

На правах рукописи

Николенкова Наталья Владимировна

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УЧЕНОГО РЕГИСТРА
ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В.
(НА МАТЕРИАЛЕ АТЛАСА БЛАУ)**

Специальность 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва – 2025

Работа выполнена на кафедре русского языка филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Официальные оппоненты: **Мольков Георгий Анатольевич**, доктор филологических наук, федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт лингвистических исследований Российской академии наук (ИЛИ РАН), Отдел русской исторической лексикологии и лексикографии, ведущий научный сотрудник

Николаева Наталья Геннадиевна, доктор филологических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Казанский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения РФ (ФГБОУ ВО Казанский ГМУ Минздрава России), кафедра латинского языка и медицинской терминологии, заведующий кафедрой

Рождественская Татьяна Всеволодовна, доктор филологических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (ФГБОУ ВО «СПбГУ»), кафедра русского языка, профессор

Ведущая организация: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вологодский государственный университет» (ВоГУ)

Защита состоится 17.04.2025 г. в 10:00 на заседании диссертационного совета 24.2.366.07, созданного на базе ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», по адресу: 126047, г. Москва, Миусская площадь, д. 6, ауд. 228.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в научной библиотеке ФГАОУ ВО «РГГУ» и на сайте организации по адресу: https://www.rsuh.ru/upload/main/dissov/1_dis_Nikolenkova_NV_414.pdf

Автореферат разослан «___» _____ 2025 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор филологических наук, профессор

— О.А. Прохвятилова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В XVI-XVII вв. в русском обществе формируется устойчивый интерес к сочинениям космографического (географического) содержания. Этим во многом обусловлен тот факт, что в 50-е гг. XVII в. по поручению патриарха Никона приобретается многотомный Атлас, который специалистами по картографии называется самым серьезным географическим трудом этого времени. Это труд голландских картографов первой половины XVII в. Виллема и Яна (Вильгельма и Иоанна) Блау *Theatrum orbis terrarum, sive Atlas novus*¹; 4-томное издание, оказавшееся в Москве, датируется 1645-1650 гг. Перевод всех томов под общим названием **Позорище всеа вселенныа или Атласъ новый въ немже начертаніа и вписаніа всѣхъ странъ издана сътъ** (название на титульном листе рукописи ГИМ Син. 19) осуществляется в Чудовом монастыре выдающимся филологом своего времени Епифанием Славинецким совместно с Арсением Сатановским и книжником Исайей, также выходцами из Киева. Язык этого сочинения еще в XIX в. был выделен среди других переводов космографий и определен А.И. Соболевским как «ученый церковнославянский»².

Актуальность диссертационной работы связана с необходимостью включить Атлас Блау в лингвистический оборот как ценный источник данных о церковнославянском языке второй половины XVII в., определить место памятника в истории русского литературного языка этого периода; выявить те языковые особенности, которые отражают черты ученого церковнославянского языка. Исследование перевода дает возможность расширить представления о характере работы книжников школы Епифания Славинецкого на раннем этапе их деятельности, а также определить лингвистические особенности Атласа Блау в сопоставлении с переводами других космографических сочинений, осуществленных в Московской Руси.

Степень научной разработанности проблемы. Еще в XIX в. начинается изучение переводов космографий и их публикация: фрагменты некоторых сочинений в рамках своих изысканий о хронографах в 1869 г. публикует А.Н. Попов; в 1878-1881 г. Общество Любителей Древней письменности издает Космографию 1670 г. с исследованием Николая Чарыкова, видного дипломата и признанного историка. В XX в. интерес к переводным сочинениям географического и астрономического содержания проявляют историки науки (Б.Е. Райков, Т. Райнов), авторы работ по истории книжности приводят списки научной литературы географического содержания, которые были известны среди образованных людей XVII в. (С.П. Луппов), рассматривается история переводов космографий (А.В. Барандеев, О.А. Белоброва). Много внимания таким сочинениям уделяет в своих работах советский историк Н.А. Казакова, ей

¹ *Theatrum orbis terrarum, sive Atlas novus in quo tabulae et descriptions omnium Regionum. Editae a Guiljele et Ioanne Blaeu. Amsterdami. Anno 1645*; URL: <http://bdh-rd.bne.es/>.

² Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. СПб., 1903. С. 60-63. Им использовано название «Большой атлас Блеу», сегодня принято написание «Блау».

принадлежит статья, посвященная Атласу Блау³. Лингвистическое изучение космографий в XX в. связано в первую очередь с исследованиями С.М. Глускиной сделанного в Москве в 1637 г. переложения Космографии Меркатора. В настоящее время большую работу по изучению переводных космографий ведут историки О.Е. Кошелева и Н.А. Болдырева, которая является автором последнего большого исследования, посвященного одному из томов Атласа Блау⁴.

Теоретической базой диссертации стали работы А.И. Соболевского, В.В. Виноградова, А.М. Панченко, Б.А. Успенского, В.М. Живова, А.М. Камчатнова, Н.Н. Запольской, Т.А. Исаченко, М.А. Бобрик об истории русского литературного языка, рассматривающие период второй половины XVII в. как последний этап функционирования церковнославянского языка в качестве литературного, фиксирующие внимание на отдельных памятниках, книжниках и произведениях этого периода, описывающие своеобразие языковых черт этой эпохи. Особую роль в формировании теоретической базы диссертации сыграли работы, в которых анализируются лингвистические и источниковедческие аспекты, связанные с разными переводами книжников чудовской школы и трудов Епифания Славинецкого: таковы труды В.В. Нимчука и издание им латинско-славянского и славяно-латинского лексиконов Славинецкого и Сатановского; Т.А. Исаченко и издание ею перевода Нового Завета, работа над которым стала одной из последних для Славинецкого; Т.В. Пентковской, рассмотревшей лингвистические и источниковедческие аспекты перевода аргументов Апостола и Апокалипсиса Нового Завета, «Слова о милости». Т.В. Пентковской и Е.А. Кузьминовой ведется работа по изучению редакции Московской Библии 1663 г. в соотношении с грамматическими и лексикографическими трудами XVII в. Исследованию «Епитомий» Константина Арменопула и работе чудовских книжников над этим текстом посвящено исследование Е.В. Ивановой; переводы «Богословия» Иоанна Дамаскина рассматриваются в многочисленных работах Н.Г. Николаевой. Лингвистическому изучению латинско-славянского и славяно-латинского лексиконов посвящены статьи А.И. Бовсуновской. Переводческую деятельность русских книжников рассматривают как уже упомянутые исследователи, так и А.А. Пичхадзе, И.А. Подтергера, И.В. Вернер; вопросы перевода с латинского поднимаются И.В. Вернер, К.А. Максимовичем, Н.А. Зяблицыной, В.В. Калугиным, В.А. Ромодановской. Многие частные лингвистические вопросы, к которым мы обращаемся в диссертации, изучены Г.А. Богатовой, В.Г. Демьяновым, О.Ф. Жолобовым, В.Б. Крысько, С.М. Кусмауль, Г.А. Мольковым, И. Майер, Г.А. Николаевым, М.Л. Ремневой и другими современными исследователями. Язык космографии 1637 г. проанализирован в

³ Казакова Н.А. Русский перевод XVII в. труда Блау «Theatrum orbis terrarum sive Atlas novus» // Вспомогательные исторические дисциплины. Т.17. 1987. С. 161-178.

⁴ Болдырева Н.А. Историко-географический трактат Уильяма Кемдена «Британия» в русских переводах XVII в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2020. 354 с.

диссертации и в статьях С.М. Глускиной, некоторые аспекты языка переводных космографий указывают А.А. Зализняк и В.М. Живов.

Лингвистического исследования Атласа Блау до настоящего времени проведено не было, хотя с середины XIX в. сочинение всегда фигурирует в трудах, посвященных деятельности Славинецкого и его соратников, и в общих описаниях времени патриарха Никона.

Наше исследование Атласа Блау является первым и единственным на сегодняшний день лингвистическим описанием памятника, опубликованные статьи и сделанные доклады легли в основу настоящей диссертационной работы.

Объектом исследования стал перевод Атласа Блау в объеме сохранившихся рукописных источников.

Предметом нашего исследования будет реконструкция работы над переводом Атласа Блау, а также лексические, грамматические и орфографические его особенности.

Научная новизна проведенного исследования состоит, во-первых, во введении в научный оборот источника, который не был предметом лингвистического исследования; во-вторых, в доказательстве необходимости использования лингвистических данных для понимания истории этого перевода: в-третьих, в определении и научном обосновании использования характеристики «ученый регистр» церковнославянского языка для описания текстов научного содержания на начальном этапе их появления. Гипотезу о формировании в рамках книжно-письменного языка второй половины XVII в. «ученого регистра» предложил в монографии «История языка русской письменности» (2017 г.) В.М. Живов, однако им были лишь намечены некоторые его черты.

Целями настоящей работы стали:

1. На материале исследованного памятника письменности доказать, что в 50-е гг. XVII в., в период, непосредственно предшествовавший книжной справе, начинается формирование нового регистра в системе церковнославянского языка; показать, что перевод Атласа Блау представляет собой первый этап формирования «ученого» регистра, когда книжники ищут пути обработки, пробуют разные способы совершенствования книжного языка; определить характер отношения «ученого» регистра к стандартному и гибридным регистрам церковнославянского языка.

2. Охарактеризовать лингвистические параметры «ученого» регистра, опираясь на гипотезу о грамматической ориентации таких текстов; определить степень ориентации перевода на грамматику церковнославянского языка, в частности на московское издание грамматики 1648 г.; а также на лексикографические источники.

3. Сопоставить лингвистические стратегии переводчиков Атласа Блау с некоторыми выявленными особенностями жанрово схожих сочинений, ориентированных на другие регистры письменного языка XVII в.

Нами будет показано, что Атлас Блау переводился именно как научное сочинение, без сокращений и купюр, поэтому был первым географическим, астрономическим (а частично историческим и даже лингвистическим)

трактатом, с которым имели шанс познакомиться русские грамотные люди. Научный характер текста определил стратегию перевода и ориентацию на «ученый» регистр.

Задачами исследования стали следующие:

1. Реконструировать этапы работы Епифания Славинецкого, Арсения Сатановского и Исая над переводом Атласа, в том числе предложить проведение определенного рода «ученой» дискуссии, итоги которой стали толчком для формирования ученого регистра.

2. На основе сопоставления лексических особенностей разных томов перевода обосновать собственную гипотезу о времени и о характере работы над текстом Атласа Блау.

3. Определить степень отношения каждого из переводчиков Атласа Блау к формированию языковых особенностей перевода.

4. Выявить морфологические и синтаксические параметры ученого регистра и характер ориентации на церковнославянские грамматики и стандартный регистр церковнославянского языка.

5. Установить особенности формирования лексической структуры перевода; сопоставить подходы переводчиков к выбору лексики; показать характер и объемы индивидуально-авторского словотворчества переводчиков.

6. На материале перевода с латинского языка показать степень грецизации текста на разных уровнях его организации; уточняя и конкретизируя данное в науке определение книжников Чудовской школы как грекофилов.

7. Описать орфографические черты беловиков двух томов как отражающие ученый регистр, ориентацию на грамматику и тенденцию к применению новых, не используемых ранее в церковнославянском языке правил правописания.

8. отметить в одном из самых ранних переводов Чудовской книжной школы черты, которые станут позднее неотъемлемыми для других переводов книжников, относящихся к Чудовской школе.

Материалом работы стали сохранившиеся в рукописях Синодального собрания Государственного исторического музея г. Москвы переводы трех томов Атласа в черновых и беловых вариантах (50–60-е гг. XVII в.): *Син.779* (черновик, автограф Епифания Славинецкого), 605 л.; *Син.19* (беловик рукописи Син.779), 306 л.; *Син.781* (черновик, автограф Арсения Сатановского), 422 л.; *Син.112* (беловик рукописи Син.781), 277 л.; *Син.780* (черновик, автограф Исая), 650 л.; *Син.204* (беловик рукописи Син.780), 522 л.; а также хранящиеся в разных собраниях списки начальной части первого тома «Введение в Космографию»: ГИМ *Син. 642*, сборник 2 пол. XVII в.; Российская национальная библиотека *Q.XVII.31*, сборник кон. XVII в.; Российская национальная библиотека *Q.XVII.6*, сборник кон. XVII в.; Российская национальная библиотека *Соф. 1510*, сборник кон. XVII в.; Российская государственная библиотека *ф. 722 № 315*, сборник кон. XVII – нач. XVIII в.

В работе применены такие **методы исследования**, как лингвотекстологический, метод сплошной выборки, аналитического наблюдения и сопоставления текста с иноязычным оригиналом.

Теоретическая значимость работы заключается в обосновании и определении основных параметров ученого регистра церковнославянского языка на начальном этапе его формирования в период, предшествующий книжной справе второй половины XVII в. Проведенное на новом, не исследованном лингвистами материале исследование уточняет языковые параметры ученого регистра и его особенности на фоне стандартного регистра; а также расширяет имеющиеся знания о книжной деятельности Епифания Славинецкого и Чудовской книжной школы второй половины XVII в. и степени влияния ее на историю русского литературного языка этого заключительного этапа существования церковнославянского как русского литературного.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использовать полученные результаты при создании монографий и учебных пособий по истории русского литературного языка и переводоведению, при разработке специальных лекционных курсов по истории книжности второй половины XVII в. и по раннему этапу формирования научного языка. Большое число индивидуально-авторских неологизмов, выявленных в переводе, могут быть использованы в качестве дополнений к историческим словарям; модели создания этих неологизмов могут привлекаться к исследованиям в области исторического словообразования. Материалы исследования могут лечь в основу научного издания отдельных частей Атласа, при создании которых отец и сын Блау использовали античные и средневековые сочинения, в составе Атласа впервые попавшие в Московскую Русь.

Положения, выносимые на защиту.

1. Перевод Атласа Блау был осуществлен в период с 1652 по 1660 гг.; основной этап работы над текстом приходится на 1652-1653 гг., когда работа над I и II томами проводилась совместно Епифанием Славинецким и Арсением Сатановским, которые вырабатывали общие принципы передачи латинского оригинала. Третий переводчик, Исая, приступил к работе позже, работал самостоятельно и следовал только некоторым из этих принципов, причем непоследовательно. Предлагаемая нами гипотеза об этапах работы над переводом Атласа Блау, уточняющая информацию о времени и характере работы над текстом, базируется сугубо на лингвистических характеристиках текста.

2. Предварительным этапом перевода географического сочинения была работа над вступлением («Введение в Космографию»), в процессе этой работы Славинецкий и Сатановский приняли решение о корректировке первоначальной стратегии. Мы предполагаем обсуждение и «ученую» дискуссию между переводчиками и грамотным московским писцом, впоследствии работающим над созданием беловиков. Списки астрономической части, сохранившиеся до нашего времени, были сделаны с утраченного позднее черновика без привлечения латинского оригинала и доказывают определенные изменения в подходах, связанные с пониманием научного характера Атласа Блау и решением противопоставить его уже переведенным космографиям, что обусловило отказ от первоначальной ориентации на гибридный регистр церковнославянского языка.

3. Для характеристики лингвистических особенностей перевода мы считаем возможным использовать предложенный В.М. Живовым термин «ученый регистр» церковнославянского языка. Перевод Атласа Блау становится первым, начальным этапом формирования «ученого регистра», но не относится к «языку науки»: переводчики выступают как ученые-филологи, не будучи представителями естественно-научных областей, затронутых Атласом (география, астрономия, частично биология).

4. Грамматическая структура перевода строится на понимании принципов морфологической и синтаксической организации церковнославянского языка стандартного регистра, однако нельзя говорить о точном следовании кодифицированным в грамматиках нормам. Переводчики продолжают поиски решений, начатых при редактировании югозападнорусского издания грамматики Мелетия Смотрицкого московскими издателями, в некоторых зонах следуя уже отразившейся в московском издании тенденции к снятию вариативности и к унификации, осуществляя более строгий отбор грамматических средств. Многие грамматические решения переводчиков отражены позднее в книжной справе, проводимой патриархом Никоном; зафиксированы они и в переводах и сочинениях других представителей Чудовской книжной школы. Ориентация на стандартный регистр связывается с характером их образования, основанного на системе свободных искусств, языком которых выступает церковнославянский язык.

5. Инновационный подход к переводу обнаруживается прежде всего в его лексической структуре. Ученый регистр дал возможность ввести в язык новую лексику не только греческого, но и латинского происхождения; широко использовать принцип создания композитов, причем не только калек; в Атласе представлено большое число индивидуально-авторских образований; переводчики активно используют редкие церковнославянские лексические единицы, расширяя семантику последних. Югозападнорусское происхождение переводчиков отражается в использовании регионализмов, некоторые из которых входят в церковнославянский язык второй половины XVII в. При этом значительная часть введенных регионализмов основана на лексикографическом труде – лексиконе Памвы Берынды, то есть зафиксирована в тексте «ученого» содержания. Все эти компоненты лексической составляющей перевода позволяют книжникам проявить собственную образованность («ученость») и демонстрируют их отношение к механизмам ученой филологической обработки нового по содержанию текста.

6. Сопоставление перевода Атласа Блау и созданных ранее Славинецким и Сатановским лексиконов показывает изменение первоначального подхода авторов к передаче латинской лексики: предложенные в латино-славянском лексиконе словосочетания в церковнославянском тексте Атласа трансформируются в единое слово; субстантивированные прилагательные суффиксальными средствами трансформируются в существительные; книжники усложняют прежние стратегии, стремятся к использованию маркировано книжных элементов и для корневых, и для аффиксальных морфем.

7. Анализ географической и астрономической лексики позволяет утверждать, что принципы формирования научной терминологии заложены не в языке М.В. Ломоносова, а за 100 лет до него Славинецким и Сатановским. Этими принципами стали: перевод слова или словосочетания (*зрительная трубка, круг земной*), калькирование (*солнцестояние*), заимствование (*сфера, тропик, архипелаг*). В исследованном источнике зафиксировано значительное число терминологической лексики, которая позднее, в Петровскую эпоху и в XVIII в., станет чертой языка русской науки. Таким образом, «ученый регистр» следует считать начальным этапом формирования языка русской науки; в рамках «ученого» регистра формируется один из признаков языка науки на следующих ступенях развития, а именно терминологичность.

8. Киевские книжники не стремятся овладеть московскими орфографическими нормами, кодифицированными Грамматикой 1648 г. и являющимися логичным итогом развития орфографических поисков предшествующего периода церковнославянской книжности. Задача соответствия канонам орфографии стоит перед московским писцом первых двух томов. Выбор грамотного писца связан с необходимостью отражения в научном тексте нормативных написаний, соотносящих перевод географического труда с авторитетным для грамотных читателей изданием.

9. Совместная ученая работа переводчиков и писца отражена в введении двух правил и строгом следовании им: во-первых, это правило написания прописных букв, сформулированное грамматиками, но не востребованное церковнославянским языком стандартного регистра; во-вторых, правило транслитерации имен собственных, впервые предполагающее единообразный подход ко всему массиву латинского оригинала, в котором использованы также написания онимов на европейских языках.

10. Проведенное исследование перевода с латинского источника подтверждает принадлежность переводчиков (в первую очередь Епифания Славинецкого и Арсения Сатановского) к кругу грекофилов, что отражается на всех уровнях структуры текста – от орфографии до синтаксиса; отсутствие греческого оригинала не приводит переводчиков к отказу от ориентира на греческие модели.

Обоснованность и достоверность полученных результатов подтверждается большим объемом исследованных материалов: около 2000 листов рукописей, представляющих разные тома и списки первой части Атласа Блау, а также более 600 листов других рукописных источников второй половины XVII в.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были представлены в 35 докладах в рамках международных и всероссийских научных конференций, среди которых: XV Международный съезд славистов (Минск, Беларусь, 2013); Международная конференция «Перевод как средство взаимодействия культур» (Краковский педагогический университет, Польша, 2015); XLVI Международная филологическая научная конференция (СПбГУ, Санкт-Петербург, 2017); Международная научная

конференция «Славянский мир: язык, литература, культура» (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, 2018); Всероссийская научная конференция с международным участием «Московская Библия 1663 г. и развитие библейской традиции у славян» (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, 2023); XXXVI чтения памяти Л.Л. Кутиной и Ю.С. Сорокина (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, 2024).

По теме диссертации опубликовано 50 статей, в том числе 16 статей в рецензируемых периодических научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения и списка источников, литературы и словарей.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** дается общая характеристика работы, определяются цели и задачи диссертационного исследования, его предмет и объект, обосновывается актуальность темы, названы теоретико-методологические подходы, сформулированы выносимые на защиту основные положения, представлены сведения об апробации, теоретической и практической значимости работы, ее структуре.

Первая глава «Церковнославянский перевод Атласа Блау и его структура. Время создания перевода и особенности работы над ним» посвящена характеристике исследуемого источника и его месту в историко-культурном и языковом контекстах второй половины XVII в.

Параграф 1.1. «Церковнославянский язык второй половины XVII в. «Ученый» регистр церковнославянского языка» показывает подходы ученых (историков, культурологов, лингвистов) к специфике книжно-письменного языка Московской Руси этого периода: от утверждения об упадке и разрушении его с середины XVII в. (В.В. Виноградов) через представление о начальном этапе становления в это время ряда особенностей, актуализированных далее в XVIII в. (А.М. Панченко, Д.С. Лихачев), до предложенной В.М. Живовым в монографии 2017 г. гипотезы о формировании третьего регистра церковнославянского языка, который назван им «ученым». В.М. Живов предположил, что этому регистру свойственны следующие признаки: грамматический, а не текстологический подход к тексту, который состоит в последовательном овладении разными уровнями грамматического учения, выстраивании иерархической дифференциации разных языковых параметров от элементарных к наиболее изощренным. Ученый регистр делает церковнославянский «хитрейшим» языком, который становится не столько языком традиции, сколько языком «собственной учености», «овладение им требовало самозабвенного ученого труда». Этот регистр оказывается «доступен лишь ограниченной группе книжников, тогда как большинство занимающихся книжной деятельностью не только не овладевает этой премудростью, но, видимо, и вообще не знакомо с грамматическими трактатами». Возникает новое отношение к

церковнославянскому языку – «как к объекту *ученого моделирования*»⁵. Эти положения послужили опорной точкой для нашего исследования.

Гипотеза В.М. Живова позволяет дать лингвистическую характеристику текстам научного содержания в тот исторический период, когда невозможно использовать определение «язык науки», поскольку переводчики Атласа Блау не были учеными, предлагающими собственные идеи географического характера, а были блестящими филологами и переводчиками. От большинства других переводчиков их отличает: 1) знание грамматической системы языка оригинала и умение сопоставлять эти знания с грамматиками церковнославянского языка; 2) восприятие географического трактата как научного текста (в *artes liberales* география входит в геометрию). Это позволяет им противопоставить свой перевод уже созданным в Московской Руси переложениям космографий. Они создают научный текст, приближенный к стандартному регистру церковнославянского языка, ориентируясь не на жанрово близкие тексты, а на рекомендации грамматик. Несакральное содержание географического сочинения делает возможным лингвистический эксперимент (моделирование) в области лексики и частично орфографии.

Перевод Атласа Блау оказывается *первым этапом создания ученого регистра* церковнославянского языка. В нашем понимании *ученый регистр* является модификацией церковнославянского языка, которая формируется в научных сочинениях несакрального содержания, опирается в грамматическом отношении на стандартный регистр книжного языка и характеризуется новым отношением к лексической структуре текста. Ученый регистр во второй половине XVII в. будет трансформироваться в сочинениях некоторых книжников, но окончательного его формирования не произойдет: отказ от опоры на церковнославянский язык как язык науки в первой четверти XVIII в. станет отказом от ученого регистра.

В параграфе 1.2. мы даем **сведения** о латинском оригинале Атласа Блау и рассматриваем существующие **гипотезы** о времени создания текста, базирующиеся на информации о жизни Славинецкого и его работе в Москве.

Нами предлагается *собственная гипотеза*, основанная на *лингвистических* данных, собранных в процессе исследования материала. Временем перевода 1 и 2 томов мы считаем период с весны 1652 по лето 1653 гг., когда над Атласом совместно работают Епифаний Славинецкий и Арсений Сатановский. Сначала ими делается перевод введения к Атласу (Введение в Космографию), после чего происходит *ученая дискуссия* с участием обоих книжников и писца, который должен готовить беловые экземпляры. Лингвистическая дискуссия корректирует подходы к переводу, усиливает противопоставление языка Атласа Блау другим космографиям, в результате основной перевод 1 и 2 томов становится текстом, который представляет *первый образец ученого регистра церковнославянского языка*. Временем перевода 3 и 4 томов (авторства Исая) может быть период 1653-1654 гг., не исключено завершение его в 1660-1661 гг.; однако подход Исая не тождествен выработанным Славинецким и Сатановским принципам и

⁵ Живов В.М. История языка русской письменности. М., 2017. С. 876, 879, 880-884.

представляет другой этап развития ученого языка. Беловик 3 тома (Италия, Син. 204) был исключен нами из числа «ученых» текстов; работавшие над ним московские писцы были не так грамотны и образованны, как основной писец (пропускали непонятное, путали и перевирали переведенное Исайей и т.д.). Лингвистические данные оказываются наиболее важными при уточнении времени перевода, их использование делает гипотезу непротиворечивой и доказательной.

Первые лингвистические обоснования приводятся далее в **параграфе 1.3. «Характеристика основного источника. Состав переводных рукописей Атласа Блау. Некоторые лингвистические данные, подтверждающие гипотезу»**. Каждый том Атласа состоит из отдельных глав, содержащих описания территорий Европы, Азии, Африки и Америки, разбитых по административно-территориальному принципу. Различия в переводе номинаций этих территорий дают основания уверенно отделить общую стратегию Славинецкого и Сатановского и отличающиеся во многом лингвистические идеи Исайи. Так, частотное *ducatus* первые два переводчика всегда передают как **кнѣзство**, Исайя как **кнѣженіє**. Это различие позволяет сделать дополнительные выводы, актуальные для истории лексики и словообразования периода XVII-XVIII вв.: конкуренция суффиксов *-ство* и *-ение* традиционно отмечается для начала XVIII в., наше исследование смещает датировку на середину XVII в. Латинское *territorium* в первых двух томах передается полонизмом **повѣтъ**. Исайя, несмотря на более широкое использование регионализмов в своем переводе, выбирает более частотное в книжном языке Московской Руси слово **вѣласть**. Существенное различие выявлено для передачи наречия, использующегося в названиях стран, где введен местный кратоним (*Asloa, vulgo Opslo* или *Livonia, vulgo Lyfland*). Наречие *vulgo* в латинском языке может опираться на наречие со значением 'всемирно' или на глагол 'делать всеобщим'. В латинском лексиконе (ЛСЛ) Славинецкий и Сатановский для *vulgo* предлагали варианты «**вѣще, народнѣ**». В Атласе Блау Славинецкий и Сатановский используют **народнѣ**, тогда как Исайя останавливается на **вѣще**, что свидетельствует о знании последним лексиконов, но не о стремлении соотносить свой перевод с первыми томами.

Описание состава рукописей и анализ названия глав в Атласе Блау доказывают, что ученые книжники стремятся дистанцироваться от традиции, свойственной приказному языку Московской Руси (переработка Космографии 1637 г., вести-куранты). Так, название административно-территориальной единицы Европы *Comitatus* учеными книжниками передано как **ко/вмицство**, в приказном языке чаще встречалось «графство»⁶. *Palatinatus* Славинецкий передает как **Палатінатъ**, переводчики Посольского приказа использовали

⁶ Глушкина С.М. Общественная терминология в Космографии 1637 г. // Ученые записки Псковского педагогического института, 1954. Вып. 2. С. 221.

варианты *палатынатсво*, *полатинус*, что подтверждает отсутствие параллелизма между ученым регистром и приказным языком.

В параграфе 1.4. «Гипотеза о начальном этапе перевода: Вводение в Космографию и его лингвистические особенности» рассматриваются две части перевода 1 и 2 томов, которые дошли до нас только в беловиках: введение и первые три главы 1 тома (сохранились в беловике Син. 19 и в указанных выше списках); рассмотрена также начальная часть 2 тома (Син. 112, лл. 1-63об), черновик которой утерян (она написана южнорусской скорописью, идентифицировать писца не удалось, мы назвали эту часть беловик-1).

Черновик «Вводения в Космографию» не сохранился, он воспроизведен в Син. 19 с учетом некоторых решений, принятых в процессе ученой дискуссии, и более поздних списках, переписчики которых не имели латинского оригинала: в рукописях есть пропуски, неверное отождествление маргинальной глоссы с опорным словом, ошибки в передаче сложных для писцов лексем, особенно имен собственных: *Guilielmus enim Barendsonius* (глава *Polus Arcticus*) → *Гвильгѣлмъ бѡ Барендсѡніи* (Син.19) → *Барендсѡніи* (Q.XVII.31, № 315) → *вобарѣндсѡніи* (Соф. 1510) → *бѡба рѣнтъсѡніи* (Q.XVII.6).

Сопоставление материала позволило выявить особенность перевода Атласа Блау на фоне других сочинений книжников Чудовской школы, одной из ярких особенностей работы которых является обильное глоссирование (представлено в переводе Нового Завета и «Епитомий» Константина Арменопула (Епифаний), Номоканона XIV титулов с толкованиями Феодора Вальсамона и Андриантх (Евфимий), в Московской Библии 1663 г.). В черновике «Вводения в Космографию» маргинальные глоссы также были, что доказывается наличием и пересечением их в списках. В заглавии к первому же слову *Позорице* предложены произвольники *позрачице*, *зрѣлице* (Син. 642, 161); в Q.XVII.6 добавляется глосса *зерцало* (л. 1); этот вариант использован в Q.XVII.31: *Зерцало* {*театр^м*, *позорице*, *зрѣлице*} *всем вселѣныи* (л. 1). В перечислении зодиакальных знаков в главе 3 седьмой знак (*Libra*) в Син. 19 передается полонизмом *вага* (л. 3); в списках эта лексема может оказаться маргинальной глоссой, а в сам перечень попадает *вѣсы* (Q.XVII.31, 4; в Q.XVII.36, 16об – только *вѣсы*, глоссы нет); может быть и наоборот – *вѣсы* глоссирует *вага* (РГБ № 315, 12об).

В Син. 19 число глосс на первых страницах сокращается, далее они практически совсем исчезают из рукописи. Причиной такого решения, принятого по результатам ученой дискуссии, мы считаем вид латинского оригинала: издание содержит огромное число записей на полях. Так выделяются разделы главы, то есть идет навигация по содержанию. Н.А. Казакова назвала эти подглавки «фонариками». На первом листе первой главы *Introductio* таких навигационных ссылок 4, в небольшой пятой главе сразу 9. Увеличение их числа вынесением маргинальных глосс усложнило бы чтение текста; кроме того, было бы потеряно внешнее сходство латинского издания и церковнославянского

перевода, что затрудняло поиски нужных разделов. Постепенный отказ от введения маргинальных глосс характеризует и беловик-1: обилие их на первых двух листах сменяется точным воспроизведением только «фонариков».

Доказательством обсуждения принципов работы и смены ряда переводческих стратегий будут изменения в передаче частотных в Атласе слов. Так, прилагательное *Germanicus* в «Ввождении в Космографию» передается как **немецкѣи** (*milliare Germanicum* → **мѣлю немѣцкѣю**, Син.19, 7об); *Gallicus* как **Францѣзскѣи** (*littus Gallicum* → **брѣгъ Францѣзскѣи** (Син.19, 10; или **Францѣжскѣи**, Син. 642, 177об). В основном тексте 1 и 2 томов переводчики меняют решение и выбирают вариант **германскѣи**, **галлинскѣи**: *milliarium Germanicorum circiter 900* → **пѣприць герма^нски^х ѡбъ девать сотъ** (Син.19, 21об); & *Gallico littori appositæ Gersey* → **и Галлинскомѣ мѡрю приложѣнныи Герсей** (Син.19, 21об); последний раз вариант «немецкий» отмечен в глоссе беловика-1: *ac Galliam Germaniamque Illyricum* → **и Галлію и Гѣманію {нѣмецкѣю земѣю}** и **Иллирикъ** (Син. 112, 1).

В «Ввождении» используется русский вариант названия Каспия как *Хвалимское море*: *ab Ortu vero ex Indico Mari partem totam in Caspium vergentem* (De navig. 2c) → **ѡ востока же Ѣндѣискаѡ мѡра часть всѧ ѡмѡре Хвалѣмское ѡплывѡющаѡ** (Син. 19, 12об). В основном тексте: *hoc ipsum mare Caspium sinum esse putaverunt Oceani Septentrionalis* (Evropa 5a) → **Сѣе самое мѡре Каспѣнское, нѣдро выти непцевѡша Океѡна Полѡноцнагѡ** (Син. 19, 21).

В переводе беловика-1 также есть лексические черты, от которых позже переводчики отказываются. Так, Славинецкий в глоссах вводит полонизм **костелъ** в значении ‘римско-католический храм’: *In Campania Renu, Reims, templi artificiosa extrinsecus structura nobilis* (Gallia 1c) → **ѡ Камѣпаніи Рени, Рейсѣ храма {костела} хѣдѡнически^м ѡ нѣ сѣдѣ знамениѣмѣ знамени^т** (Син. 112, 2об); **храмы {Ѣтилища, костели}**; **сомищемѣ {Храмѡ^м, Костелѡ^м}** (15об); **Храмы {Костели}** (16); **Ѣтаго Квинтина Костѣ^а** (24). В основном тексте Атласе Блау предпочтение отдается только нейтральному **храмъ**.

Сделанные в первой главе наблюдения позволяют не только доказать нашу гипотезу о характере работы над переводом Атласа Блау, но и выявить, что при работе над материалом книжники особое внимание с первых же глав уделяли именно лексической структуре создаваемого текста.

Во второй главе «Лексические особенности перевода Атласа Блау как ученого регистра церковнославянского языка» предметом комплексного лингвистического исследования оказываются лексика источника. Определяя специфику ученого регистра, В.М. Живов не говорил о параметрах лексического выбора. При этом отмеченное им потенциальное усовершенствование церковнославянского и его ученая разработка; представление о церковнославянском не столько как о языке традиции, сколько о языке

собственной учености; отношение к нему как к объекту *ученого моделирования*; филологическая обработка – все эти признаки характеризуют лексические особенности ученого регистра. В процессе работы книжники принимают решение противопоставить свой текст другим памятникам того же жанра, то есть отказаться от текстологической традиции, и выделить его как научный.

Количество лексических и семантических противопоставлений на уровне языка книжного и некнижного не было большим, традиция говорит лишь о единичных примерах. В XVI в. на фоне проводимой Максимом Греком sprawy сакральных текстов на лексемном уровне образуются некоторые парные противопоставления книжных и некнижных элементов. Выбор модели перевода сакральных текстов книжников Чудовской школы включает совокупность многих параметров, таких как способы калькирования, контекстуальная синонимия, введение иноязычных слов, глоссирование и т.д. Переводчики заранее ориентируются на построение определенного типа результирующего перевода.

Атлас Блау не относится к сочинениям сакральным, переводчики не поставлены в ситуацию необходимости использовать маркированную книжную лексику. Но книжниками принимается решение ориентироваться на церковнославянский язык, им необходимо выделить свой труд и обозначить его как «ученый». Системность такой деятельности Епифания Славинецкого и Арсения Сатановского проявляется еще в сопоставлении с их же ранними лексиконами – латино-славянским (ЛСЛ) и славяно-латинским (СЛЛЛ). Нами отмечено регулярное стремление при работе над Атласом изменять прежние переводческие решения в сторону повышения книжности; зафиксировано также широкое индивидуальное словотворчество переводчиков.

Параграф 2.1. раскрывает **общие принципы книжников** при работе над переводом. Ими стали:

1) широкая вариативность, связанная с отказом от глоссирования (**п. 2.1.1.**);

2) использование грецизмов (**п. 2.1.2.**); причем не только на месте грецизмов, вошедших в латинский язык, но и как замена латинизмов оригинала; последнее распространено в Атласе Блау шире, чем в исследованных на сегодня переводах с латинского языка (**п. 2.1.3.**);

3) включение латинизмов, в том числе не отмечавшихся ранее в книжном языке (**п. 2.1.4.**);

4) широкое использование композитов, создание индивидуально-авторских композитов как путем калек, так и с использованием существующей в книжном языке модели с опорой только на семантику латинского слова (**п. 2.1.5.**);

5) употребление суффиксов, актуальных для книжного языка второй половины XVII в. (**п. 2.1.6.**);

6) включение в церковнославянский перевод регионализмов, не зафиксированных ранее в книжном языке (**п. 2.1.7.**).

Вариативность, вытекающая из решения отказаться от глоссирования, связана с выбором транслитерации при передаче латинского слова или его перевода (создания кальки). Такой выбор стоял перед переводчиками при передаче грецизмов *geographia*, *geographus*, *geographicus*, частотных в Атласе. Принятое решение позволило киевским книжникам ввести заимствование **географіа**, **географъ**, **географскіи** (что позволило нам обновить данные исторических словарей о первой фиксации этих лексем, ранее датирующихся кон. XVII – нач. XVIII в.), а для *geographus* предложить также авторские композиты **странописецъ**/ **землесписатель**/ **землеписецъ**. Колебания в выборе композитов отражают некоторую разницу в подходах Славинецкого и Сатановского; так, во 2 томе мы встречаем лишь вариант **землеписецъ**, тогда как 1 том отражает вариативность в использовании **странописецъ**/ **землесписатель**.

Иногда перед переводчиками встает вопрос выбора между большим числом вариантов. Для *tabula* в «Вводжении в Космографию» используется **скрижаль**, киевские переводчики ориентируются на авторитетный для них «Лексикон словеноросьскій» Памвы Беринды. Этот лексикон и собственные лексикографические труды стали опорными для работы, поэтому к признаку грамматической ориентированности ученого регистра мы считаем необходимым добавить ориентацию на *лексикографические источники*. В первых главах единично отмечены русизмы **чертежь** и **дска**, но в основном тексте основным вариантом передачи латинской лексемы станет грецизм **тавліа**, освоенный книжно-письменным языком.

Среди использованных грецизмов особое внимание мы обращаем на впервые введенные в книжный язык (**сфера** ← *sphaera*; **діалектъ** ← *dialectos*, **пирга** ← *turris*), **этимологіа** в значении ‘истиннословие’ (фиксировалось ранее только в Алфавитах XVII в.). В Атласе Блау представлена замена латинизмов грецизмами; многие из них позже будут характерны для сочинений чудовских книжников. К примеру, латинское *provincia* регулярно заменяется на грецизм **епархіа**, причем последняя лексема используется как нейтральная в общем значении ‘область’; книжники не стремятся передать культурные реалии разных описываемых стран, что будет сохраняться в ряде более поздних переводов (например, в переведенном с польского «Слове о милости»). Грецизм **пирга** станет частотным в жанрово близких Атласу ученых текстах конца XVII в.: в «Проскинитарии Арсения Каллуды» (перевод Евфимия Чудовского, ГИМ Син. 529, Син. 543); в «Хорографии и топографии земли святыя» (ГИМ Син. 745). Реже использованы в переводе Атласа Блау латинизмы: **колоніа** ← *Colonia*, **авторъ** ← *autor*.

Индивидуально-авторский подход в полной мере проявился в создании **композитов** (п. 2.1.5), которые могут опираться на сложное слово оригинала, но могут быть созданы без опоры на латинский композит. Нередка ситуация, когда два одинаково организованных авторских образования опираются на разные

латинские словообразовательные модели: **разлічныхъ звѣрь лѡви, птицеловленіа, и рыболовленіа** (Син. 19, 37) ← *variatarum ferarum venationes, ausipria, piscaturæque* (13d), где *ausiprium* - композит, а *piscatus* – однокорневое образование от основы супина глагола *piscor*. Эти две лексемы весьма частотны, так как рассказы о важных занятиях жителей разных стран регулярно присутствуют в главах. В беловике-1 отражен первоначальный вариант: *ausiprio* (!), *venationi, piscationique peropportunos* (1d) → **птыцолово^М, звѣролово^М, и рыболово^М блгоключима** (Син.112, 3об); для основного текста выбор сделан в пользу композита с суффиксом *-enie*.

Переводчиками создаются и другие композиты с корнями *рыб- /птиц-*: **СѸмнѣтелно, едѡ Ѡ вѡдѣ езеро, или Ѡ рыбѣ рыбопитѡлице, или Ѡ лѡва, нѡва нарицѡтисѡ иматъ** (Син. 19, 73 об.) ← *Dubium an ab aquis lacus, au à piscibus vivarium, an à venatione arvum appellari debeat* (Karstia, Carniola 35b). Пример относится к многочисленным случаям, когда изменяется перевод, представленный в латинском лексиконе, где *vivarium* передан как «звѣрское жилище, питате(л)ница» (ЛСЛЛ, 415). Так собственные лексикографические труды становятся опорой для новаций при моделировании лексической структуры ученого регистра.

Композиты создаются переводчиками часто вне связи с прямым значением латинской лексемы, книжники стремятся передать в индивидуально-авторском образовании свое понимание явления действительности и раскрыть его для читателя. Таким композитом стало частотное **верхоградіе** ← *arch* ('укреплѣнный замок, крепость; вершина; местопребывание, резиденция'). В Атласе Блау употребление *arch* в первую очередь встречается в контекстах, когда речь идет о небольшом городе-крепости либо о центральной части города, где находилось крепостное сооружение или замок: **Иматъ прѡмѡ верхоградіе Москѡвское Івѡновѣ гѡродѣ** (Син. 19, 40 об.) ← *Habet ex adverso arcem Moschorum Ivanowgorod*» (16с).

Эту же модель во 2 томе использует Сатановский, переводя *promontorium* ('горный выступ, отрог, мыс') как **верхогоріе**: **Долготѡ оубѡ еѡ считѡетсѡ ѠИрѡклиѡва мѡра доверхогоріѡ блгіѡ надежды пѡприць сѣдмсотѣ** (Син. 112, 215об) ← *Longitudo quippe ejus computatur ab Hercujis Freto, ad promontorium Bonæ Spei, mill.700* (Africa 1a).

Широко употребляется в тексте Атласа Блау композит **благоговеніе**, взятый Славинецким из церковнославянского языка и использованный для передачи понятия *religio*. В ЛСЛЛ для *religio* использованы церковнославянизмы «блгоче(с)тие, блгоговѣніе» (349). В Атласе Блау книжники выбирают менее частотный в церковнославянском языке вариант: **Каѡ олічѡскомѸ блгоговѣнію прилѣплѡютсѡ всѣ Італійстѡи кнѡзи** (Син. 19, 22) ← *Catholicæ religioni adhærent omnes Italiae Principes* (Evropa 5с).

Сатановский во 2 томе на базе этого церковнославянизма создает собственный индивидуально-авторский композит: *Ідолослѹженіємъ и излншшеговѣннїи прѹчимъ Инданѡмъ подобни* (Син.112, 184) ← *idololatria superstitionibusque reliquis Indis non absimiles* (India 2c), где латинское *superstitio* ('суеверие') в ЛСЛЛ было передано словосочетанием: «*superstitio, самово(л)ное служеніе, блужаніе в(ъ) вѣрѣ*» (389). Трансформация словосочетания в существительное необходима для сохранения пословного характера перевода и регулярно применяется обоими книжниками.

В параграфе 2.1.6. рассмотрены суффиксальные образования, характерные именно для Атласа Блау. Для *nomina agentis* в число наиболее продуктивных для идиолекта Славинецкого суффиксов обычно включают *-тель*, *-(ьн)икъ*, *-ецъ*, активно используемые и в Атласе. Жанровые особенности сочинения делают самым распространенным суффикс *-ан-* для этнонимов (*Американе, Асіатікане, Афране, Гелветане, Венетане, Еврѡпане, Шведанане, Готѣане; Ѡ Македѡнанъ и Римланъ, Дананъ, Германъ, Галланъ* (Син. 19, 21-24); использование этого суффикса практически не знает исключений – отступления обнаруживаются при необходимости подчеркнуть, например, религиозную принадлежность (*Грекове*).

Особенностью нашего источника будет активное образование существительных с локативным значением при помощи церковнославянского суффикса *-ищ(е)*. Помимо известным книжным текстам (*сѣтилище, сосѣдалище, пристанище*), вводятся новообразования: *страннопріателище* (Син. 19, 34об) ← *hospitium* (Svecia 12c); *нищеприателище, сиропиталище* (Син. 112, 34об) ← *Ptochodochium, Orphanotrophium* (Francia 6a); *книговлагалище* (Син. 112, 15) ← *bibliotheca* (Francia 5d); *каменосѣчилица* (Син. 112, 3об) ← *Lapidicinae* (Gallia 2b). Сознательный выбор локативного *-ищ(е)* для этой группы лексем подчеркивается сопоставлением с ЛСЛЛ, где предлагался вариант «стра(н)ноприе(м)ница» (420), известный книжному языку.

Распространение данной суффиксальной модели связано с одним из переводческих решений, реализованных при уточнении стратегии в ходе ученой дискуссии. В «Вводении в Космографию» *mille* всегда передано как *милл:* *четыре таковыа мили, чинатъ единѹ милю немецкѹю* (*milliare Germanicum*); в основной части книжки выбирают славянизм *поприще*, фактически становящийся гиперонимом для метрологической лексики в Атласе Блау и выражающий значение расстояния без привязки к определенной длине. Решение Славинецкого и Сатановского противопоставлено подходу Исайи, который использует русизм *лак(ъ)ть*; в его переводе практически отсутствуют образования на *-ищ(е)*.

Параграф 2.1.7. посвящен использованию полонизмов и югозападнорусизмов в тексте. Наиболее важным наблюдением будет факт

включения тех регионализмов, которые используются в лексиконе Памвы Берынды (*прѣдкіи, шкарѣдныи*). Расширение лексических рамок церковнославянского языка становится возможным благодаря включению в Грамматику 1648 г. лексической части – *Вословіе имень по азъ вѣди, стѣхъ соуцихъ въ свѣтцахъ, с толкованіи словѣнска гзыка* (361-373), которая и делает лексемы, относящиеся к фонду простой мовы или представляющие собой регионализмы, легитимными для книжного языка Московской Руси в его ученой разновидности⁷.

Параграф 2.2. посвящен анализу введенной в Атлас Блау **астрономической и географической терминологии**. Формирование принципов научной терминологии, в том числе астрономической и географической, связывается с деятельностью М.В. Ломоносова. Именно ему приписывается идея трех базовых принципов создания русской терминологии:

- 1) перевод в случаях, когда это возможно (*земная ось*);
- 2) калькирование (*солнцестояние*);
- 3) заимствование (*диаметр, сферический*).

Наше исследование позволило перенести сроки появления многих терминов на период 50-х гг. XVII в. и отнести начальный этап формирования данных принципов к времени работы Славинецкого и Сатановского над переводом Атласа Блау.

В переводе создается стройная система терминов, в основе которой лежит использование заимствований (впервые введены грецизмы *зона, тропикъ, параллельъ, діаметеръ*); под влиянием латинского трансформируется облик лексемы *горизонтъ* (впервые начинает употребляться начальное *г*); вводятся латинизмы *экваторъ*, термины *епіциклъ*, *оптіцикии*; как калька с латинского *solstitium* использован композит *Вліцестояніе*. Эта терминология в исторических и этимологических словарях связывается с распространением печатных переводов географических сочинений в начале XVIII в., но материал Атласа Блау доказывает, что она впервые была введена на 50 лет ранее.

Многие переводческие решения имеют прямые соответствия в печатных источниках начала XVIII в. Так, использованный нашими переводчиками термин «экватор» глоссируется их же авторским вариантом: *Ѣа же ради вини тѡнже крѣгъ инымъ именемъ нарицается Экваторъ, или равнителъ* (Син. 19, 3) ← Eandem ob causam idem circulus alio nomine vocatur *Aequator* (Intro. ad cosm.). Та же внутритекстовая глосса употреблена печатном издании «Географии краткой» 1710 г.: Сеи же кругъ паки нарицается и *экватор [или равнитель]* (с. 3).

Второй аспект введения астрономической и географической терминологии в Атлас Блау связан с *ориентацией на церковнославянизмы*, а не на лексику

⁷ Кузьмина Е.А., Пентковская Т.В. Грамматические предписания и их реализации в церковнославянской книжности второй половины XVII в. // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2019. № 4. С. 182-184.

нейтральную. Так, для обозначений частей света в «Вводении в Космографию» использовались лексемы **Сѣверъ**, **Югъ**, **Западъ**, **Востокъ** и маркированные церковнославянизмы **Полѣденный**, **Полѣнощный**: **Поль Арктицкѣи**, сирѣчь **Сѣверный**; **Поль Антарктицкѣи**, сирѣчь **Полѣденный**; **Ворѣискои**, или **Полѣнощной странѣ** (Син. 19, 2-2об). В начальных главах можно констатировать тенденцию к выбору нейтральных словоупотреблений: **плáваніа дрéвнихъ назáпадъ** (Navigationes Veterum versus Occidentem), **на Сѣверъ** (Septentrionem), **наюгъ** (Meridiem), **плáваніа венéціанъ чрѣ³ межиземнаа морà на востóкъ** (Navigationes Venetorum per Mediterranes in Orientem), **плáваніа назáпадъ** (Navigationes in Occidentem), **плáваніа сѣвернаа** (Navigationes Septentrionalles) и т.д. (De navig. 2bd; Син. 19, 12-13об).

Но в томах, рассматриваемых нами в качестве образца ученого регистра, переводчики изменяют свою позицию и для двух из четырех частей света регулярно выбирают церковнославянизмы: **Самогітіа страна доволнѣ прострáнна**, **ближáишаа Лítвáни**, **ѿ Полѣнощіа Лівоніи с̀предѣла єсть**, **и морю Балѣискомѣ**, или **Германскомѣ ѿ зáпада**, **нѣчто наполѣнощіе в̀скланяющіса прилежитѣ** (Син. 19, 58) ← Samogitia regio satis ampla, proxima Lituaniæ, à Septentrione Livoniæ conterminal est, marique Balteo sive Germanico ab Occidente, nonnihil in Septentrionem reflectendo adjacent (Samogitia 27a); **Палестіна заключаєтса ѿПолнощіа Фінікією**, **ѿ Востóка КилиѢрїєю**, **ѿПолѣдніа Аравїєю** (Син. 112, 212) ← Palestina clauditur à Septentrione Phoenice, ab Ortu Coelesyria, à Meridie Arabia (Palestina 15a).

В сфере географической терминологии нами отмечаются те же общие подходы к лексике, что рассмотрены выше. Примером замены латинизма на грецизм будет частотное **Херсонисъ** на месте *peninsula*: **Європы страни ѿчасти с̀ши с̀ть**, **ѿчасти Херсониси**, **и Острови** (Син.19, 21об) ← Europæ regions partim Continentes sunt, partim Peninsulæ & Insulæ» (5b). В существительных с локативным значением использован суффикс *-иц(e)*: **Лівáне жè своиствѣннѣ наречѣнни**, **странѣ брѣговѣ ѿ Рїги и вхóднща Дѣны**, **къ Саммѣ**, **и Парнóвин населіша** (Син. 19, 41) ← Livi vero proprie dicti, tractum littoralem, à Riga & ostio Dunæ, versus Salim & Parnoviam incoluerunt (Livonia 16d).

В рамках ученого регистра формируется один из параметров будущего языка науки, а именно *терминологичность*. Особое внимание, уделенное переводчиками Атласа Блау поискам точной передачи научной терминологии латинского оригинала, позволили Славинецкому и Сатановскому ввести термины, многие из которых используются языком астрономии и географии до настоящего времени. Книжники сформировали базовые принципы создания терминосистемы, которыми позже воспользовались ученые XVIII в., в том числе

М.В. Ломоносов. Можно считать, что начальным этапом формирования русской научной терминологии становится середина XVII века.

Параграф 2.3. описывает **общественно-социальную лексику** перевода. Особенность использования лексики этой группы связана с частотностью ее появления в тексте. По отношению к наиболее часто встречающимся наименованиям книжниками выработан единый подход: **Царь, Царство** ← *Rex, Regnum*, **повелительство** ← *imperium*, **Прѣстателство** ← *praefectura*, **Стронителство** ← *dioecis*, **держава** ← *ditio*. Авторским неологизмом является перевод латинизма греческого происхождения *monarchia*. В латино-славянском лексиконе «*monarchia*» передается как «единоначалие», а «*monarcha*» как «мона(р)ха, единонача(л)никъ» (272). В Атласе Блау предложен иной вариант: **ѠЦарства, исамоначѣліа обрѣ прѣвестѣ** (Син. 19, 26 об) ← *in regni & monarchiae formam redegisse (Norwegia 8a)*, который последовательно использует и Сатановский. Такой вариант не был до настоящего времени зафиксирован в текстах XVII в., хотя обнаружены разнообразные композиты («самовладство», «единоначалие», «единовластие», «единовладство»⁸).

В основном тексте варианты перевода могут отмечаться для лексем, которые однозначно переданы в оглавлениях. К примеру, регулярная передача *Palatinatus* как **Палатинатъ** в тексте главы *Germania hodierna* меняется на использованный ранее в СЛЛЛ: «Воевода. *Palatinus*» (434): **Воеводство Рѣнское, Франконіи древле часть, главѣ имать Епархіи Геиделбергѣ, тѣже избрателен воеводски сѣдѣлице** (Син. 19, 75) ← *Palatinatus Rheni, Franconiae quondam pars, caput habet provinciae Heidelbergam, eandem Electorum Palatinorum sedem (Germania 1c)*.

Есть примеры использования грецизмов на месте латинизмов, к примеру **Сигклитъ** вместо *Senatus*: **и Ѡнегѣже къ Царю и Сигклитѣ Царства нарицаніе взанімъ Ѡноситса** (Син. 112, л. 30) ← *& à quo ad Regem & Senatam regni appellatione virrcissim devolvitur (10a)*.

Наибольший интерес представляет создание композитов на месте однокорневых лексем латинского оригинала и на базе словосочетаний, при образовании которых книжники старались передать не структуру опорного слова, а значение его, объясняя в окказионализме род занятия должностного лица. Созданные композиты и суффиксальные образования показывают объем знаний, ученость Славинецкого и Сатановского. Во фразе **Ѡ Магістратехъ, впати, провпѣти, Епархіи, Кѣнсори; Страженачѣлники, Сокрѣвѣщники, Торжищезакѣнники, Прѣстѣтелѣ брѣшнѣ и ини** (Син. 19, 142об) ← *In Magistratibus Consules, Proconsules, Praetores, Censores, Tribunos vigillum, Quæstores, Aediles, Praefectos annonæ, aliosque (Coloniensis Archiepiscopatus 41b)* оказались реализованы практически все переводческие решения, в том числе

⁸ Киселев М.А. Форма правления и социальная иерархия в российской политической мысли XVII – первой четверти XVIII века // Исторический вестник, 2013. Т. 6 (153). С. 36, 39, 42, 43.

создание композита **Страженачалники** на базе *Tribunos vigilum* с помощью суффикса *-ник*. Тот же суффикс использован для *nomina agentis* **Сокровищники** (*Quæstores*); это один из многочисленных случаев трансформации Славинецким прилагательного в субстантив: в ЛСЛЛ предлагался вариант «сокровищни(й)» (341); так же было переведено *thesaurari(us)* (397); пример из Атласа: **Ѡбнови Петръ Ремигин, Сокрѡвищникъ и Цръства Правитѣ за Карола Пѣхъра** (Син.112, 16) ← *Restauravit Petrus Remigius, Thesaurarius & Regni Gubernator sub Carolo Pulchro (Francia 6a)*. Широкое использование суффикса *-ец(ь)* для *nomina agentis* рассматривается подробно на примере лексемы **благородецъ (-дцы)** ← *nobilitas, nobilis*, употребляемой для общей номинации людей, принадлежащих к высшему классу.

Для *Ædiles* создан композит **Торжицезаконники**. Латинское *ædilis* называет римскую должность, в задачу носителя которой входит организация народных зрелищ, городское благоустройство, надзор за общественными зданиями, полицейский надзор и регулирование продовольственного снабжения. При обучении латинскому лексема могла встречаться киевским книжникам в текстах Цицерона, Корнелия Тацита; для московского читателя они создали композит, обозначив одну из выполняемых эдилом функций. При этом в окказионализме Славинецкий отказывается от перевода ЛСЛЛ *ædiles* как «здано[на]ча(л)ницы» (72), что было ближе к латинскому *ædes* ‘комната, храм, жилой дом, здание’.

Анализ, проведенный во второй главе, показывает, что лексическая структура Атласа Блау тщательно выстроена, системно организована, имеет внутреннюю логику. Отталкиваясь от своего предшествующего труда – лексикона латинско-славянского, Славинецкий и Сатановский находят новые решения. Обсуждая их в процессе перевода, книжники формируют ученый регистр церковнославянского языка.

В третьей главе «Грамматические особенности ученого регистра церковнославянского языка» рассматриваются значимые позиции в морфологии и синтаксисе славянского перевода. Решения переводчиков сопоставлялись нами с предписаниями грамматик церковнославянского языка. Зафиксированы этапы ученой разработки на этапе перехода от перевода «Вводения в Космографию» к основным томам, но усложнения грамматической организации в сравнении с кодифицированными нормами не отмечено. Славинецкий и Сатановский опирались на стандартный регистр; оба книжника знали нормы, предписываемые первым изданием грамматики Смотрицкого (ГС), и изменения, которые были внесены московскими справщиками при подготовке издания 1648 г. (ГМ), что давало им 1) выбор из двух вариантов, 2) возможность продолжать редактуру в направлении, заданном справщиками ГМ, поскольку издание ГМ имело статус «официального издания московской грамотности» (Е.А. Кузьмина), что сделало необходимым для переводчиков исполнение ее предписаний.

Перевод Атласа Блау осуществлен как пословный, с точной передачей оригинала. Построение латинского источника неоднородно и включает 1) описательные разделы (границы страны, основные города, реки, перечень правителей, природные богатства), составленные сотрудниками Блау; в них используются простые предложения, предикативным центром которых оказываются глаголы настоящего времени, частотны ряды однородных членов (существительных), используются прилагательные в сравнительной и превосходной степени; 2) исторические рассказы об описываемой территории, которые являются фрагментами из средневековых географических трактатов и цитатами из античных авторов; в этих частях использованы глаголы в формах перфекта и имперфекта, сложные предложения с разными типами придаточных, где употребляется латинский конъюнктив, частотны синтаксические обороты, свойственные книжно-письменному языку. Церковнославянский перевод повторяет эту структуру.

Основной задачей переводчиков было *избегать грубых нарушений грамматики* церковнославянского языка. Работа над Атласом Блау изначально строилась на двух грамматических основаниях: 1) понимание латинского материала для его правильной интерпретации; 2) выбор из предложенного в ГМ репертуара форм наиболее точно соответствующих оригинальному тексту. Текст Атласа Блау не имел греческого варианта, поэтому все использованные грецизированные конструкции отбираются из числа кодифицированных ГМ.

Параграф 3.1. посвящен морфологии **имени существительного** (в нем рассмотрены явления, относящиеся одновременно и к орфографии). Число существительных в переводе очень велико: перечисления природных объектов, рыб и зверей, памятники и здания городской застройки, природные богатства (камни, растения, руды); огромное количество топонимов и антропонимов. К примеру, в первом абзаце главы «Европа» на 195 слов 65 существительных (34%), а в середине главы на 200 слов приходится 109 существительных (55%). Такая плотность существительных не могла не сказаться на особом отношении переводчиков к их грамматическим характеристикам. Отметим также выявленную нами при анализе лексики тенденцию увеличивать число существительных путем трансформации субстантивированных прилагательных в существительные с помощью суффиксации.

Московские издатели ГМ внесли в раздел «Об имени» целый ряд исправлений, которые существенно меняют парадигмы; проведена корректировка системы грамматических норм в соответствии с книжно-языковой практикой издателей ГМ, выражающейся в унификации широкой вариативности первого издания ГС. Анализ форм имени Атласа Блау дает основания говорить об ориентации наших переводчиков на нормализаторские решения ГМ с тенденцией к продолжению унификации форм.

Ученым решением книжников было распространение необходимости сохранять чередования в топонимах: **Африцѣ**, **Америцѣ** (>50), **Ѡлѣвѣрцѣ**, **Ѡвѣвѣрцѣ** (Син. 19, 30об), **Ѡгамѣвѣрцѣ** (Син. 19, 113об), хотя парадигмы ГМ включают лишь антропонимы (*iwna*, *artemis*, или *artemida*, 93об, 96).

Тенденция к унификации реализована в возможности омонимии форм **им. и вин. п. мн.ч.** и использовании флексии *-и* в вин.п. мн.ч. *о*-скл. сущ. м.р.: *Nobilitas in Comitibus, Baronibus, Equitibus auratis, communemque nobilitatem dividitur* (Svecia 2a) → **Блгородцы на Квмѣти, Барѣни, Ёквѣти злати, и обще блгородство раздѣлѣетса** (Син.19, 33об); это явление можно связать также с типичной ошибкой при переводе с латинского, когда омонимия *nom.-acc. pl.* имен всех родов III-IV скл. и II скл. ср.р. становится причиной появления флексии *им.п. мн.ч.* в позиции *вин.п. мн.ч.*

Стремление к унификации окончаний **род.п. мн.ч.** в зависимости от формы *им.п.* зафиксирована для сущ. на *-ь, -ie, -ia*: для сущ. на *-ь* выбирается флексия *-ѣ/ѣи*: **частѣи (>100), Цркви (>50); списателеи** (Син.19, 8об), **рыбарѣи** (Син.19, 20), **кораблѣи** (Син.19, 25), **звѣрѣи** (Син.19, 10об, 11, 20об, 26), **Царѣи и кнзѣи** (Син.19, 31); для слов на *-ia/e* используется *-и*: **Тавліи** (Син.19, 8об), **тѣпографіи** (Син.19, 25), **епархіи** (Син.19, 31об), **стадіи** (Син. 112, 182), **ради безгодіи** (Син.19, 19об), **писаніи, размѣреніи** (Син.19, 24об), **зданіи** (Син.19, 25), **верхоградіи** (Син.19, 27), **каменіи** (Син.19, 30об), **оружіи** (Син.19, 51). Это устраняет всё еще сохраняющуюся в ГМ вариативность.

Формы **дат., тв. и местн. п. мн.ч.** в книжно-письменных источниках вт. пол. XVII в. могут отражать *a*-экспансию, свойственную больше текстам гибридного регистра и реже отмечаемую в стандартном церковнославянском. Система Атласа Блау в этих позициях близка к стандартному регистру. Так, *a*-экспансия в **дат.п. мн.ч.** отсутствует, консерватизм книжников проявляется в стремлении орфографически противопоставить формы *дат.п. мн.ч.* и *тв.п. ед.ч.* по принципу антистиха (**ѡмѣ/ омѣ**). *A*-экспансия в **тв.п. мн.ч.** фиксируется, однако вариативность окончаний в данном случае заложена самой ГМ: взаимно допустимы формы с флексией *-ы*: **междѣ остроувы** (Син. 19, 30об), **тѣсными предѣлы** (Син. 19, 64), **взаимными оубиствы** (Син. 19, 8об), **четырмаи составлѣетса еппствы** (Син. 19, 27) и с флексией *-ами*: **хладами оужасна** (Син. 19, 24об), **свѣдами** (Син. 19, 28), **бродами** (Син. 19, 30об), **поромами рѣка превозима** (Син. 19, 80об), **стартарскими предѣлами** (Син. 112, 183), **законами** (Син. 112, 183об), **сапфірами, гранатами** (Син. 112, 184об), **Нігрітами** (Син. 112, 215об), **плодами** (Син. 112, 217). Для **мест.п. мн.п.** мы отметили небольшое увеличение числа форм с *a*-экспансией для сущ. ср.р. (наиболее частотно **на местахѣ, единично вЦарствахѣ**), для м.р. спорадически **ѡ лѣсахѣ** (Син. 19, 38), **на островахѣ** (Син. 112, 191).

Система падежных форм сущ., представленная в Атласе Блау, указывает на стремление переводчиков следовать нормам стандартного церковнославянского языка, кодифицированным в грамматиках.

В параграфе 3.1.2 рассмотрены формы двойственного числа. Переводчики демонстрируют отказ от использования свободного двойственного

числа. Так, для сущ. **БРѢГЪ** возможное дв. ч. не зафиксировано, контексты реализуют формы мн. ч., что связано с большей частотностью употребления слова в значении 'край земли около воды': **сѣвернѣишиѡ нѡвыѡ землѣ брѣги ѡбѣздити** (Син. 19,14об). При описании рек переводчики также выбирают формы мн. ч.: **ащеже величество, ащеже брегѡвъ, и ѡсюдѡ овѡдѡ градѡвъ имѡ прилежащихѡ изгашество зрѣши** (Син. 19, 185).

В контекстах со связанным двойственным числом мы обнаруживаем формы дуалиса в **род.-сказ. п.**: **по обою Рина брегѡ** (Син. 19, 74), и в **дат.-твор. п.**: **двома мѣстома** (Син.19, 29об). Отмечается непоследовательность в использовании формы дат.-твор. п. у слова **два**: в начальных главах книжники используют рекомендованную ГМ: **ѡдвѣма проходама** (Син.19, 9об); далее отдают предпочтение форме из ГС **двома**, которая сохраняется в неисправленном виде в разделе «Синтаксис» ГМ: **междоу двома родомѡ (292); двома степенема (341об)**. В основных томах Атласа употребляется **двома**: **прекопама двома** (Син.19, 41); **двома поприцама** (Син.19, 41); **со двома сыницама** (Син.19, 50об). Существительное при этом может иметь как форму дв. ч., так мн. ч.: **двѣма корабли** (Син.19, 14), **двома входици** (Син.19, 36об); **двома крѡги** (Син.19, 6об); **двома народи** (Син.19, 36).

Для форм **им.-вин. п.** характерно стремление к употреблению сущ. не в дв. ч., а в мн. ч. для м. р.: **два крѡзи (>25), два гради (>25)**; для ж. р. и ср. р. однозначная интерпретация невозможна в силу падежной омонимии: **(на) двѣ части, двѣ Цркви (>25), два епѣства (>20); два езера (>40)**.

Таким образом, *двойственное число не входит в репертуар обязательных форм* для ученого регистра церковнославянского языка. Основатели Чудовской школы продолжают традицию Максима Грека, использование дуалиса оказывается на периферии книжной нормы.

Параграф 3.1.3. посвящен использованию **родительного приименного падежа** и характеру выражения притяжательности. ГМ кодифицирует правило использования род. п. при сущ.: **Двою сѣществителнѡ различныхѡ вѣциѡ стекѡющѡсѡ, дрѡгоѡ ихѡ вродителномѡ полагаѡмо бывѡти ѡбыче** (283об). Расширение функций род. п. во время книжных реформ второй половины XVII в. рассматривается как элемент греческого влияния на грамматическую структуру церковнославянского языка. Перевод Атласа Блау дает основания утверждать, что Славинецкий опирается также на грамматику латинского языка с использованием приименного род. п.: **насѣлникѡвъ обѣлствомѡ, градѡвъ иградцевѡ множествомѡ, Инди странами, Митрополиа Царства, двора сѣдалище, Инди жилище** (Син. 112, 182об – 185об).

При этом перевод отражает колебания переводчиков, их знания о возможности использования не только родительного приименного, но и притяжательного прилагательного. В начальных главах мы обнаруживаем вариативность: *Freta Oceani* (1d) → **протѣки Окіановы** (10об); *Ab Oceani furore* (9a) → **Ѡ Океіановы гарости** (29); *Oceani insulas* (9a) → **Океіана острови** (29); *Tropicus Cancrī, Tropicus Capricorni* (Introd.) → **трѣпикъ Рѣковъ, трѣпикъ Козерѣжцевъ** (Син. 19, 4); **междѣ Трѣпикомъ Рѣка, Трѣпикомъ Козерѣжца** (4об) ← *intra Tropicum Cancrī, Tropicum Capricorni* (Introd.).

В основном тексте использование притяжательного прилагательного возможно только при образовании от однословных антропонимов: **Такітово читаніе** (Син. 19, 39об), **мнѣніе Пвѣагорово** (Син. 112, 189); при этом родительный приименной также использован, иногда в контактно расположенных словосочетаниях: **мѣтере Промеѣеа, Іапѣѣовы жены** (Син. 112, 180об) ← *matre Promethei, Iapethi conjugē* (Asia 1a); **хра^М Артемиды; Даріевъ сынъ** (Син. 112, 180об) ← *templum Dianae; Darii filius* (Asia 1b).

В разделе о существительных мы рассматриваем также **конструкцию ч/презъ + асс. (параграф 3.1.4.)**, которая является постоянной чертой переводов книжников Чудовской школы: передает греч. *διὰ* + асс. и *παρά* + асс., а в нашем источнике заменяет латинскую конструкцию *per+acc.*

В Атласе Блау отражен этап поиска и выбора окончательного решения. На начальном этапе шел поиск передачи *per+acc.*: использование тв.п. (*per Chorographiam* → **Хорографією**, *per Zodiacum* → **зодіакомъ**, *per motum* → **движеніемъ**); ввод конструкции **чрезъ + асс.** (*per utruque Polum Mundi, & per punctum caeli* → **чрезъ оба поли міра, и чрезъ точкѣ нѣсе**, *per verticem* → **чрѣ³ верхи**); а также использование **сквозѣ +вин.п** (*per centrum* → **сквозѣ средѣ**, *per terram* → **сквозѣ землю**).

Далее в переводе Славинецкого была сделана попытка разделить значения, передаваемые конструкцией *per+acc.*, с помощью введения предлога **презъ**, который используется в локативном (**прѣ³ весь островъ** (Син. 19, 32) ← *per totam Insulam* (Fionia 11a)) и в темпоральном значении (**прѣ³ коллика лѣта** (Син. 19, 30) ← *per aliquot annos* (Danīa 10b)), тогда как значение ‘через посредство, с помощью’ передается при помощи **чрѣ³: чрѣ³ тебе** (Син. 19, 33) ← *per te* (Fionia 11d); **чрѣ³ Бременскіа кѣпцы** (39об) ← *per Bremenses mercatores* (Livonia 16a). Но такое распределение усложняло работу над Атласом, в результате Славинецкий отказывается от него, используя **чрѣ³/ прѣ³** без учета семантических различий: **чрѣ³ лѣто** (92), **чрѣ³ тысящѣ двѣстѣ стѣпъ** (92), **чрѣ³ толика мѣста** (92), **прѣ³ сѣровыа Істръ** (92), **прѣ³ Місію и чрѣ³ Вітттенбергѣ** (112об), **чрѣ³ Валахію** (192об).

Сатановский последовательно использует вариант $\text{чрѣ}^3 + \text{асс.} : \text{чрѣ}^3 \text{ морє превезєса}$ (Син. 112, 181об), $\text{чрѣз Тігры истєкшии}$ (Син. 112, 182).

Таким образом, зафиксированная в переводе Атласа система имен и конструкций, включающих существительное в определенном падеже, демонстрирует нам ориентацию книжников на кодифицированную в грамматиках систему церковнославянского языка, а также показывает собственные поиски книжников в рамках этой системы.

Параграф 3.2. описывает использование сравнительной и превосходной степеней прилагательных в Атласе. Славинецким и Сатановским принято решение о формальном параллелизме с латинским языком: *gradus comparativus* с суффиксом *-ior/ius* передан рекомендуемой в ГМ «разсудительной» степеню с суффиксальным *ш*, а *gradus superlativus* на *-issimus/ issima/ issimum* – «превосходительной» с *ѣнш/анш*.

Возможна передача *gradus comparativus* формой превосходной степени, что отмечено и для других переводов чудовских книжников, при этом часто такая замена связана с лексическими причинами: *nobilior* передается как **блгороднѣншии**, что связано с характером использования церковнославянизма для номинации высшего слоя дворянского общества, не предполагающего использования компаратива.

В параграфе 3.3. мы обращаемся к спрягаемым глагольным формам, представленным в Атласе Блау.

Уже названной особенностью источника будет широкое использование форм презенса (параграф 3.2.1.), большинство которых образованы от глаголов несовершенного вида и представляют настоящее постоянное, например: **Гѡдтландіа глѣтєса, рѡжь обиліє^М прозѣбѣтѣ; зацци шарѣ измѣнѣютѣ; Лівоніа раздѣлѣтєса на части; вѣдро нѣременѣтєса; мыто мздатѣ** (Син. 19, 39об-41об). Кроме форм 3 л. ед. и мн. ч., отмечены примеры 2 л. ед. ч., реализующие обобщенно-личное значение: **егдѣ чѣтнѣ нарѡ^Д стоѡщѣ натѡржици оузриши, ни единагѡ, рѣзѣѣ пепеловѣдною рѣзою удѣанна оувидиши** (Син. 19, 52об) ← *ut cum turmatim vulgum stantem in foro conspexeris, neminem nisi cinericia veste indutum videas* (Litvania 24c).

Формы прошедших времен рассмотрены в параграфе 3.2.2. Фрагменты, где Блау обращаются к историческому материалу, в латинском оригинале в основном переданы перфектом. В латинском языке *perfectum historicum* представляет в первую очередь действие как свершившийся факт, без указания на его длительность; что соответствует значению церковнославянского аориста: **Южна побѡре, и восвою влѣсть приведе Махометѣ, лѣта ѡ^Ѣ ѡ^Ѣ севѣ сотвори данствѣтєлнѣ** (50) ← *Australem expugnavit, & in suam potestatem redegit Mahometes, anno 1475, sibi que fecit tributariam* (Tavrica 23a). При необходимости показать длительность протекания действия во времени латинскому перфекту в Атласе Блау соответствуют формы церковнославянского имперфекта: **И лежѣше**

та́кѡ навре́мѡ, до́ндеже вѣлѣ́то ꙗ́ р̄ н̄ ӣ, ѿ Генрі́ка Австрі́и кнѣ́зѡ, Скѣ́тское Авба́тство та́мѡ во́двѣжетсѡ (Син. 19, 80) ← *Iacuitque ita aliquandam, donec circa annum 1158 ab Henrico Austriae duce Scotica Abbatia illic erecta est* (Avstria 4b). Случаи тождества латинского imperfectum и церковнославянского имперфекта также фиксируются в переводе: **Иво иза́щнѡ и вели́ко нѣ́что га содѣ́лати не́щевѣ́хѡ, иже егѡ́ преплѣ́бствовахѡ́** (Син. 19, 50) ← *Etenim eximium & magnum aliquid illos praestitisse putabant, qui eum navigassent* (Tavrica 23a-b, с отсутствием параллелизма во второй глагольной форме).

Достаточно частотны в Атласе формы сослагательного наклонения, их анализ проведен в **параграфе 3.2.3**. Так, в содержащей историю основания Кельна главе *Coloniensis Archiepiscopatus* (Син. 19, 142-143об) из 108 глагольных форм 52 презенса (48%), 32 аориста (30%), 14 форм имперфекта (13%), по 1 форме перфекта и плюсквамперфекта (2%), а также 8 форм сослагательного наклонения (7%). Большая часть употреблений приходится на придаточные части и опирается на кодифицированную в ГМ конструкцию **дабы́ + л-форма** (324об), которая используется для передачи *coniunctivus* латинского оригинала: **Дабы́ оубѡ вѣвѣ́днѣ́ жителствовали потѡ́, Преведѣ́ га́ Агри́ппа, зѣ́тъ Авгѡ́стовъ** (Син. 19, 142) ← *Ut ergo tutius viverent in posterum, traduxit eos Agrippa gener Augusti* (Colon. Arch. 41a). Использование форм без дополнительной связки (3 л. ед.ч. **видѣ́лъ бы**; 3 л. мн.ч. **видѣ́ли бы**) соответствует системе, использующейся в переводах с греческого языка, выполненных киевскими книжниками в первой четверти XVII в. (Беседы Иоанна Златоуста на Послания апостола Павла (Киев, 1623 г.) и на Деяния апостольские (Киев, 1624 г.)⁹.

Анализ синтаксической структуры Атласа требует обратить внимание на несколько пунктов. Во-первых, это оформление **придаточных определительных** при помощи местоимений **иже, еже, гаже** (**параграф 3.4**), передающих латинские *pronomen relativa qui, quae, quod*. Переводчиками строго выполняется правило зависимости формы местоимения от антецедента: **возно́сителнаѡ <...> изра́днѣ́е же, иже, гаже, еже, егѡ́, и еѡ́, согласо́уютъ своемо́у предидо́ушемѡ́ въ родѣ́ и числѣ́** (ГМ, 291об-292) и увещания ГМ о необходимости правильно выбирать падежную форму, опираясь в том числе **на послѣ́дѡщѣ́и глаго́лъ** (292об). Это правило не знает исключений, в том числе в многочисленных случаях трансформации рода при переводе с латинского оригинала, когда ученые книжники выбирают верную форму местоимения, ориентируясь уже на славянский текст: **Дрѡвѡ́ насѣ́лникѡмъ подава́етъ островъ Іасмѡ́нда, идѣ́же лѣ́съ гѡ́стѣишь, егѡ́же тѡ́земцы наричѣ́тъ де Стѡ́вгенитза**

⁹ Пентковская Т.В. Сослагательное наклонение в поздних церковнославянских переводах восточнославянского происхождения // *Rajko Nahtigal in 100 let slavistike na Univerzi v Ljubljani*. Ser. Slavica Slovenica. Ljubljana. 2019. P. 241-256.

(Син. 19, 105) ← *Ligna incolis suppeditat insula Iasmunda, ubi sylva densissima, quam indigenæ appellant de Stubhenitza (Rugia 20c).*

Сопоставление разных частей Атласа дает нам возможность отметить, что первоначально киевские книжники допускали использование для оформления определительных придаточных уже входящего в книжный язык местоимения **который**, зафиксированного в ЛСЛЛ: «qui, иже, котори(й)» (342), «quae, яже, которая» (341). В 1 главе *quod* передано местоимением **что** с высокой долей вероятности наличия **который** в черновике: *Quod ut certius carpias, respice schema appositum* → **Чесò данзвѣстнѣе оуразумѣши, вóзри начертáние написанное** (Син.19, 2об); в списках **Котóрое извѣстное оуразумѣши** (Q.XVII.31, 3об; Q.XVII.6, 6об; РГБ № 315, 10об). В следующей главе отмечаем: **Котóрыя же кли́мы та́коже подро́гон странѣ Равни́теля накланяются кюгѸ, тѣми же имень именьемы сѣть** (Син. 19, 5об) ← *Quæ autem Climata tantundem ab altero Æquatoris latere tendunt in Austrum, iisdem nominibus exprimunt (Introductio ad Cosm.).* Так мы получаем еще одно доказательство трансформации переводческой стратегии при переходе от «Вводения в Космографию» к основной части Атласа Блау.

Анализ синтаксической организации перевода Атласа выявил некоторые особенности использования **служебных средств** в нем (**параграф 3.5**). Сопоставление с другими переводами с латинского языка периода XV-XVII вв. дает возможность сделать следующие выводы:

1) ученые переводчики стараются строже следовать соотношению разрядов союзов в латинской и церковнославянской грамматиках, стремясь к передаче не только смысла, но и формального параллелизма союза;

2) для некоторых союзных средств выстраиваются синтаксические условия использования в церковнославянском тексте; так, союз **ниже** (*nes, neque*) используется в присоединительном значении, но не как отрицательный разделительный союз;

3) фиксируется ориентация на наиболее книжный вариант из числа перечисленных в ГМ: из «недоуметельных» не используются **чи, чили, ли**, широко распространен редкий **ѣда** в значении ‘разве, ли, не...ли, иначе’: *Cotrovertitur inter scriptores, an Danubius Nilo præstet, an Nilus Danubio (Danubius 69b)* → **Лювопритса, междѸ писатели, ѣда ДѸнаи НилѸ преизъществѣтъ, или НилѸ ДѸнаю** (Син. 19, 190 об).

При работе над Атласом происходит дальнейшая систематизация норм, кодифицированных грамматиками.

Параграф 3.6. описывает использование в переводе **оборота «дательный самостоятельный»** (ДС), который характерен как для стандартного, так и для гибридного регистров церковнославянского языка и кодифицирован в ГМ (302). В Атласе Блау Славинецкий и Сатановский широко используют ДС, опорной в латинском тексте является конструкция Ablativus absolutus: **Ū востóка же**

сІндїискагѡ мѡра часть вса̀ вѡмѡре Хвалїнское вплываѡщамъ Македонскими рѡтми славна, Царствѡущѡ Гелѣвкѡ и Антіохѡ (Син. 19, 12об) ← ab Ortu vero ex Indico Mari partem totam in Caspium vergentem Macedonum armis innotuisse, Seleuco & Antiocho regnantibus (De navig. 2с). ДС используется для передачи одновременности действий, реже встречаются примеры, когда ДС передает значение предшествования.

Главная особенность употребления ДС в переводе Атласа Блау связана с пословным характером перевода. Для оригинальных памятников типична препозиция и постпозиция по отношению к главному предложению, позицией ДС в Атласе может быть любая: оборот может оказаться в интерпозиции и выступать наравне с другими предикативными единицами в составе сложного предложения. Влияние латинского оригинала допускает наличие подчинительного союза в составе ДС: *ѡкѡ Рѡлонѡ хрѡтїгаскѡю вѡрѡ прїешѡ дцѣ Гїллѡ женѡ дадѣ* (Син. 112, 58). В переводном сочинении ученого регистра ДС свободно выступает в качестве главной части для следующего придаточного предложения: *запїнаѡущѡ лдѡ, иже втѣсныхъ мѡра мѣстахъ лежашѣ* (13об). Таким образом, использование ДС в новом регистре книжного языка оказывается организованным сложнее, чем в стандартном и гибридном регистрах, но эта сложность базируется на синтаксисе латинского оригинала.

ГМ кодифицирует также **конструкции** *accusativus cum infinitivo* (308об) и *еже / во еже + inf* (309); обе конструкции отмечены в переводе (**параграф 3.7.**), также как *nominativus cum infinitivo*, известный книжному языку. Наиболее частотной из конструкций с *inf* в Атласе является *еже + inf*: *Одѣрѡ наричѡтъ ѡ птицоловецѡ, речѣнїю измѣншѡста, смотрїлица воеже птїцы ловити постѡвленнамъ одри наричѡтъ* (Син. 19, 87) ← *Oderam vocant ab aucupibus vocabulo mutuato, qui speculas avibus captandis constitutas Odri apellant* (Moravia 8с). Использование ее базируется на различных латинских конструкциях с герундием и герундивом, нет закрепления строго за одной из них.

Таким образом, грамматическая структура ученого регистра ориентирована на стандартный регистр, кодифицированный грамматиками. На начальном этапе можно говорить о некоторых колебаниях книжников и использовании элементов, свойственных гибриднему языку; однако книжники отказываются от этого подхода. Грамматическая ориентация переводчиков сочетается с желанием упорядочить некоторые кодифицированные в ГМ нормы, книжники продолжают систематизацию, начатую справщиками московского издания.

Четвертая глава «Орфографические черты ученого регистра» посвящена орфографическим особенностям беловиков томов, переписанных грамотным московским книжником, принимавшим участие в обсуждении стратегии перевода текста и реализовавшим идеи ученых книжников в беловике. Он также становится участником формирования ученого регистра на раннем этапе его организации.

Во-первых, основной писец снимает противоречия между орфографией югозападнорусской и московской, устраняя в беловике орфографические регионализмы черновиков (п. 4.1). Во-вторых, опираясь на орфографические каноны ГМ, он применяет правила, характеризующие московские правописные нормы (п. 4.2): устраняет использование графемы *ѣ*, исключенной в ГМ (п. 4.2.1.); заменяет ненормативное использование *ѣа* на верное *ѣ* (п. 4.2.2.); подводит распределение графем *ї*/ *и* под предписания ГМ, в том числе верно используя *ї* в позиции приставки перед корнем, начинающимся с гласного (п. 4.2.3.); стремится к верному распределению графем *о*/ *ω* (п. 4.2.5.), хотя и не достигает идеального результата.

Есть два орфографических правила, которые им не реализованы:

1) нет последовательности в использовании графемы *є* (п. 4.2.6.);

2) не используется правило о букве *ѣ* в начале слова, которое вводит орфографическую оппозицию *ѣзыкъ* 'часть тела' и *ѣзыкъ* 'народ', характерное для московской орфографической традиции (ГМ, 63), но не знакомое киевским переводчикам.

При этом писец способен отразить те **новации** в орфографии, которые введены Славинецким и Сатановским для Атласа Блау. Ими окажутся, во-первых, расширение использования графемы *ѣ* в сочетании *ѣа* в финалии имен собственных (п. 4.2.4.). В ГМ кодифицировано написание *ѣ* после гласной (*ѣа*), направленное на устранение последствий второго южнославянского влияния; при внесении исправлений в киевские издания московские книжники регулярно исправляли *ѣа* на *ѣ*: *вѣѣа*, *полезнаа*, *сѣа* (2) → *вѣѣ*, *полезнаа*, *сѣ* (208) в рукописи ГИМ Син. 353, содержащей текст «Поучений» Агапита, скопированный с киевского издания 1627 г. Однако ГМ сохраняет возможность написания *ѣ* после гласной в соответствии с [ja] в антропонимах: *ѣлѣа*, *гордѣанъ*, *захарѣа* (помещены в виде азбучного списка в конце ГМ, 361-373). Опираясь на это исключение, Славинецкий и Сатановский расширяют его и используют в топонимах Атласа: *Гѣлѣсѣа*, *Морѣвѣа*, *Лѣсѣа*, *Вратѣславѣа*, *Лѣпсѣа* (Син. 19, 87об); *Лѣвстрѣсѣа* (Син. 19, 79об); *Индѣа* (Син. 112, 182об); *Пѣтоліа* (Син. 112, 210). Такие написания коррелируют с латинскими *Gothia*, *Germania*, что дает возможность соотнести текст и карты.

Во-вторых, в ГМ содержится правило о прописной букве, использование которой рекомендовано 1) как маркер начала нового предложения после точки и 2) для выделения слов с определенной семантикой. Церковнославянские тексты середины XVII в. не используют этого правила, тогда как Славинецкий и Сатановский соотносят его с написанием прописной в латинском оригинале, результатом чего становится последовательное введение прописной буквы как в черновых, так и в беловых рукописях, писец которых фактически вводит его в московскую письменность (параграф 4.3. «Новые правила орфографии в беловых экземплярах Атласа Блау»).

Текст Атласа разбит на предложения в соответствии с оригиналом. Каждое новое предложение начинается с прописной графемы (п. 4.3.1).

Употребление прописной буквы в Атласе Блау оказывается обязательным в следующих семантических группах (п. 4.3.2):

1) антропонимы (Плиніи, Стравонъ, Саѡнъ Грамматикъ; Філіппъ д, Лехъ первый);

2) достоинства (Царь, Прѣстатель, Еппъ, Кнѡзь);

3) государства, страны (Царство, Кнѡство, Митрополіа, Епархіа);

4) топонимы (острови Малдіви, Зевлонъ, Сѡматра, Молѡккінскіи острови);

5) художества и части художеств (Крѡтъ Арктіческіи, междѡ Степенемъ, къ Поѡсѡ);

6) этнонимы (Амерікане, Афране, Индане, Е-ѡіопане);

7) слова, связанные с религией (Дѡсѡ, Θεосѡ, Годтѡ, Богъ (Син. 19, 22об); Ка-ѡліческіи, Аѡ-ѡеранскіи, Пѡрїтане, Сѡхїсмаііки, Пагане (Син. 19, 22);

8) названия месяцев (вначалѡ Марта);

9) номинации некоторых предметов из числа описываемых природных богатств (Ослики, Рѡмви, Телци Морстїи, Мерлѡсія (Син. 19, 25) ← aselli, rhombi, vituli marini, merlusia (Islandia 8b)).

При этом полного параллелизма с латинским текстом нет, решение о прописной принимается самими переводчиками. В главе «Европа» есть примеры, когда в церковнославянском переводе отмечена прописная наряду со строчной оригинала: **Нѡсе растворенїе** (caeli temperiem); **Мати и питателница** (mater ac nutrix); **Скиптри** (sceptra); **вКнизѡ в** (lib.2).

В последней из выделенных выше групп позиции Славинецкого и Сатановского не всегда совпадают. Славинецкий предпочитает использовать прописную букву, даже если в оригинале строчная: **Показѡетъ кто Анѡраѡа, Калаїма, Амѡѡста, ѡ ослѡ своїхъ рѡдныхъ ѡторженна** (Син. 19, 82 об) - Ostentat praeterea carbunculum, calaim, amethystum, ex cotibus suis metallicis abruptum (Bohæmia 6a). В главах, переведенных Сатановским, в основном сохраняется строчная латинского оригинала: **Аромата производитъ разлічныѡ, орѡхи мурїстікови, масти древо алои, санталѡ, зїгвїверѡ, пїперѡ и карїофїлла** (Син. 112, 190 об) ← Aromata producit varia, nuces myristicas, mastichen, lignum aloes, santalum, zingiber, piper & caryophyllum (I. Moluccæ 5a).

Интерес вызывает передача антропонимов, структура которых не всегда точно прочитывается переводчиками. Сложная для них ситуация – это западноевропейское имя, включающее вспомогательные элементы. Латинское *Gubernator est Regis nomine, Franciscus de Melo* (5c) правильно транслитерировано: **Правитель естъ царскимъ именемъ Франкискъ де Мело**

(Син. 19, 22). Однако в главе «Дания» видим такое чтение: **ДѸДѸНІ ЖЕ Ѡ СТѸМЪ КВІНТІНЪ, ПИСАТЕЛЬ ДРЕВНІЙ** (29об), непонятное без латинского источника, в котором: *Dudo autem de S. Quintino, scriptor antiquus* (10a). Переводчик не понял элемент имени собственного *de* (здесь назван Дудо Сен-Кантенский, нормандский хронист и историк нач. XI вв.) и передал его неверно.

Правило, введенное в Атласе Блау, для церковнославянской письменности оказалось неактуальным. Но в XVIII в. прописная буква начинает активно использоваться, возникают споры о ее месте и группах слов, в которых она употребляется. Эти споры переходят в XIX в., актуальны они и сейчас.

Последний раздел главы (п. 4.4.) посвящен **орфографии имен собственных**, в первую очередь **топонимов**, в Атласе Блау. Для их передачи переводчикам Атласа нужно было выработать единую стратегию: топонимы и гидронимы в текстах должны были даже в кириллическом написании соотноситься с латинскими написаниями на карте.

Славинецкий и Сатановский создают единую схему транслитерации с одинаковыми на всем протяжении текста принципами передачи латинских графем и диграфов. Наибольший интерес связан с передачей графем для обозначения согласных. В Атласе используются все 18 латинских букв, к ним добавляются *w* и *j*. К частотным относятся диграфы *ch*, *ph*, *th*, а также *rh* и *cz*. Отметим передачу некоторых (примеры из разных глав Син. 19 и Син. 112): *f*, *ph* → **Ѵ** (*Francofurtum ad Mœsnum* → **ФранкоѴртъ Ѹ Мисни**, *Erlaphus* → **ѴрлаѴъ**); *th* → **Ѳ** (*Mar d'Ethiopia* → **Мар дел ѴѲіопіа**); *x* → **Ѷ** (*Saxonia* → **ѶаѶоніа**, *Orixa* → **ѶріѶа**); *ch* → **Ѳ** (*Schetlandia* → **ѴѲетландіа**, *Cochin* → **КоѲинъ**). Единообразие сохраняется в обоих томах, в том числе при передаче названий на европейских языках.

Латинская *b* может быть передана как кириллическая **в** или **ѵ**. Во втором случае мы имеем дело с грецизацией текста, которая для Атласа Блау зафиксирована еще в описании А.И. Соболевского: «переводчикъ былъ знатокомъ греческаго языка: гиперворейскій и т. под.; переводчикъ пишетъ: *Велгіа* (= Бельгія), *Восніа*»¹⁰.

Подходы Славинецкого и Сатановского к передаче *b* отличаются. Славинецкий сначала грецизует все встречающиеся топонимы (*Spitsbergen* (4a) → **Ѵпітсвергенъ** (18об), *Ambianum* (8a) → **Ѵмвіанъ** (26об) и т.д.), а далее пытается распределить их. Территория условной античной ойкумены передается с грецизацией, тогда как в других топонимах (к примеру, в германских главах) используется **ѵ**: *Bitsch* → **БітсѲъ**, *Brisigavia* → **Брісігавіа**, *Breisach* → **БреісаѲъ**. Во втором томе Сатановский, напротив, выбирает единообразие в передаче написания *b* и передает его как **ѵ**, тем самым уровень грецизации в его переводе возрастает. К примеру, в главе «Индия» (Син. 112, 182об-185об) находим такие

¹⁰ Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV-XVII веков. С. 61.

примеры: **Малаваръ, Камводіа, Борнео, Келевесь, Ванда, Віснагаръ, Камваин, Ведеръ** ← Malabar, Cambodija, Borneo, Celebes, Vanda, Bisnagar, Cambaji, Beder.

Мы видим проявление двух разных подходов: грецизацию как единый принцип или попытку распределить материал так, чтобы показать не только лингвистические, но и иные ученые знания. Перед нами *пример ориентации на собственную ученость и трансляция ее читателю*.

Индивидуально-авторский способ выработан книжниками для латинской *c*, которая перед *e, i, y, ae, eu, oe* произносится как [ц], в остальных случаях читается как [к]¹¹. Подход киевских переводчиков в Атласе Блау унифицирует передачу *c* перед гласными: во всех позициях она передана буквой **к**, в том числе перед гласными переднего ряда: *Suescia* → **Свекіа**; *Sicilia* → **Сікіліа**, *Cabo S. Vincente* → **Кабо сѣый Вінкентъ** (Син. 19, 21об). Но перед согласными *k* и *x* графема *c* регулярно передается кириллической **ц**: *Wycksyden* → **Вцкскудені**, *Lomnicx* → **Ломницѣъ** (Син. 19, 27).

Анализ орфографии беловых экземпляров помогает сделать вывод, что ученый регистр, который выстраивался Славинецким и Сатановским, требовал обязательного грамотного отражения в беловиках, так как переводчики не хотели потерять тех ученых установок, которые были внесены ими в перевод. Выбор падает на образованного писца, способного выполнить не только орфографические каноны ГМ, но и индивидуально-авторские решения киевских переводчиков.

В **Заключении** подведены основные итоги исследования, в ходе которого были рассмотрены шесть из семи сохранившихся рукописей, представляющих перевод Атласа Блау. Лингвистическую ценность для нас представляют в первую очередь четыре из них: черновики, автографы Епифания Славинецкого и Арсения Сатановского, и сделанные с них беловики, поскольку именно в них реализован *ранний этап формирования ученого регистра церковнославянского языка*. Черновик Исаяи близок по ряду параметров к переводам первых двух книжников, но отражает собственный подход автора, непонимание многих принципов, которые выработаны Славинецким и Сатановским. Беловик этого тома (Син. 204) после анализа работы писцов был исключен из числа отражающих ученый регистр. Множество важной лингвистической информации удалось извлечь при сравнении беловика 1 тома Син. 19 с сохранившимися списками «Вводения в Космографию» второй половины – конца XVII в.

Лингвистическое исследование Атласа Блау проведено впервые. Несмотря на регулярные упоминания этого источника в работах по истории русского литературного языка, в общих трудах о деятельности Епифания Славинецкого в Москве, о лингвистической специфике Чудовской книжной школы, текст не был изучен. Анализ исследованного материала позволил уточнить время создания перевода и предложить лингвистически обоснованную гипотезу о характере

¹¹ Соболевский С.И. Грамматика латинского языка. Теоретическая часть: морфология и синтаксис. М., 1948. С. 8.

работы над ним. Реконструкция доказывает, что середина XVII в. – это время ученых дискуссий, обсуждения разных лингвистических стратегий; сделанные наблюдения помогают глубже понять принципы работы московских книжников в период книжной справы середины XVII в. Перевод первых двух томов Атласа Блау был сделан в 1652-53 гг., непосредственно предшествовал книжной справе. Нам удалось, используя лингвистические данные, обосновать собственную гипотезу о времени и характере осуществленного перевода: сначала Епифаний Славинецкий и Арсений Сатановский работали над начальными главами, далее произошло уточнение стратегии. После этого работа продолжилась, в ней отразилось желание книжников при ориентации на грамматические и орфографические нормы стандартного церковнославянского языка, которые в середине XVII в. были кодифицированы московской грамматикой 1648 г., противопоставить в первую очередь в лексическом отношении свой перевод существующим текстам того же жанра, которые не были восприняты их переводчиками как научные сочинения.

Из этого следует, что справу предваряла серьезная филологическая работа с текстами разного содержания. Опыт перевода Атласа Блау не мог не проявиться в дальнейшей филологической практике 50-60-х гг. XVII в., которая знаменует важный этап в истории церковнославянского языка позднего периода его существования и русского литературного языка второй половины XVII и начала XVIII вв. Таким образом, перевод Атласа Блау имеет принципиальную лингвистическую значимость.

Введение перевода Атласа Блау в лингвистический оборот способствует серьезному расширению лексикографических данных о периоде второй половины XVII в., поскольку индивидуально-авторские решения Славинецкого и Сатановского серьезно расширяют словник исторических словарей. Включение лексики Атласа в словари позволит иным образом интерпретировать тот материал, который зафиксирован в них на сегодняшний день. Такая коррекция изменит также представления о формировании литературного языка в первой четверти XVIII в., позволит с новых позиций взглянуть на язык Петровской эпохи.

Особенности языка Атласа Блау на фоне других книжных памятников второй половины XVII в. были отмечены еще в XIX в. А.И. Соболевским и названы им «ученым церковнославянским» языком, предлагаемое нами вслед за В.М. Живовым определение «ученый регистр» позволяет точнее обозначить языковые характеристики памятника. Собственная ученость, образованность переводчиков, знание ими грамматики латинского языка и грамматик церковнославянского языка, понимание научного содержания переводимого материала стали основными условиями для создания в рамках стандартного церковнославянского языка нового регистра, который должен был стать базой для текстов научного содержания, интерес к которым усиливается во второй половине XVII в. Славинецкий и Сатановский были переводчиками, филологами, а не географами и астрономами, поэтому невозможно говорить об их ученой деятельности как о начальном этапе развития языка науки. Но

выработанные ими принципы оказываются востребованы как переводчиками научных сочинений второй половины XVII – начала XVIII вв., так и позже первыми русскими учеными начиная с М.В. Ломоносова.

Грамматическая ориентированность ученого регистра церковнославянского языка подтверждается сопоставлением перевода Атласа Блау с грамматиками церковнославянского языка XVII в. Грамматические поиски книжников позволяют говорить о понимании ими принципов упорядочения грамматической системы, предпринятой редакторами московской грамматики 1648 г., в результате чего это издание становится основой морфологической и синтаксической нормы книжного языка Московской Руси второй половины XVII в. Результаты филологических изысканий Епифания Славинецкого воплотятся им позже во время книжной sprawy, фактическим руководителем которой он являлся.

Важным требованием для ученого регистра становится орфографическая правильность, кодифицированная в московском издании грамматики. Для реализации его киевские книжники привлекают к работе над Атласом Блау грамотного московского писца, способного создать текст на основе канонов грамматики и одновременно учесть новые идеи, введенные переводчиками.

Опора на грамматические сочинения объединяет язык Атласа Блау с текстами стандартного регистра церковнославянского языка, а лексические поиски, эксперименты образованных книжников выделяют сочинение научного содержания из жанрово схожих текстов. Эксперименты позволяют переводчикам ввести в число научных текстов лексиконы, положив начало объединению грамматики и словаря как основных компонентов, отражающих языковую систему. Формирование ученого регистра в рамках церковнославянского языка прерывается в начале XVIII в., когда сам церковнославянский перестает использоваться для сочинений научного содержания.

Атлас Блау представляет собой ценный источник, отражающий лингвистические поиски второй половины XVII в. Многие идеи, впервые реализованные в Атласе Блау, будут повторяться позднее представителями Чудовской книжной школы – как самим Епифанием Славинецким, так и его учеными последователями. Влияние этого перевода на церковнославянский язык позднего периода его существования в качестве русского литературного языка оказывается весьма значительным, несмотря на то что сам текст не вошел в число наиболее читаемых географических сочинений второй половины XVII в.

Основные результаты диссертационного исследования представлены автором в 50 публикациях.

Научные статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендуемых ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации:

1. Николенкова Н.В. Церковнославянский перевод Атласа Блау: нерешенные вопросы // Вестник Московского университета. Серия 9:

Филология. – 2010. – № 6. – С. 86–98. (0,5 п.л.)

2. Николенкова Н.В., Ремнева М.Л. Двойственное число в церковнославянских текстах переходного жанрового характера (конец XVI - XVII в.) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2015. – № 1. – С. 50–61. (0,6/ 0,3 п.л.).

3. Николенкова Н.В. Поприще vs верста в церковнославянском тексте XVII в. // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2015. – № 6. – С. 58–70. (0,6 п.л.).

4. Николенкова Н.В. Орфографические особенности двух рукописей XVII в.: об авторстве черновика и беловика // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2016. – № 1. – С. 8–19. (0,8 п.л.).

5. Николенкова Н.В. К характеристике грамматической нормы церковнославянского перевода "Атласа Блау" // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2016. – № 2. – С. 51–62. (0,8 п.л.).

6. Николенкова Н.В. Союзы в церковнославянских переводах с латинского языка XV-XVII вв.: дополнения к историческим словарям // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2017. – № 1. – С. 190–203. (0,8 п.л.).

7. Николенкова Н.В. Место перевода "Атласа Блау" в формировании лингвокультурологической ситуации кануна петровских реформ // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2017. – № 6. – С. 32–43. (0,7 п.л.).

8. Николенкова Н.В. Лексическая структура перевода Атласа Блау как образец ученого церковнославянского языка XVII в. // Мир науки, культуры, образования. – 2017. – № 4 (65). – С. 308–314. (0,7 п.л.)

9. Николенкова Н.В. Употребление прописной буквы в практике письма на фоне формирования орфографической нормы в XVII веке // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2018. – № 6. – С. 3–10. (0,6 п.л.).

10. Николенкова Н.В. Переводческая деятельность в московском Чудовом монастыре: новые данные о кружке Епифания Славинецкого // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2018. – № 6. – С. 88–98. (0,8 п.л.).

11. Николенкова Н.В. «Диатриба о языках европейцев» Иосифа Юста Скалигера в церковнославянском переводе XVII века // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. – 2018. – Том 7, № 2. – С. 163-192. (1,6 п.л.).

12. Николенкова Н.В. Античная география в латинском тексте Атласа Блау и в церковнославянском переводе XVII в. // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 4 (71). – С. 500–506. (0,9 п.л.).

13. Николенкова Н.В. Справа киевского издания в Москве в середине XVII века как иллюстрация этапа формирования московской орфографической нормы // Русский язык в научном освещении. – 2019. – № 2 (38). – С. 102–120. (1,3 п.л.).

14. Николенкова Н.В. Система имен в переводе «Атласа Блау» и рекомендации грамматик церковнославянского языка. // Вестник Московского

университета. Серия 9: Филология. – 2023. – № 6. – С. 19–29. (0,7 п.л.).

15. Николенкова Н.В. Первый этап формирования русской научной терминологии: предшественники М.В. Ломоносова // Русская речь. – 2024. – № 1. – С. 70–81. (0,7 п.л.).

16. Николенкова Н.В. Глоссирование или вариативность: о подходах Епифания Славинецкого и Арсения Сатановского к переводу Атласа Блау // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2024. – № 5. – С. 67–76. (0,7 п.л.).